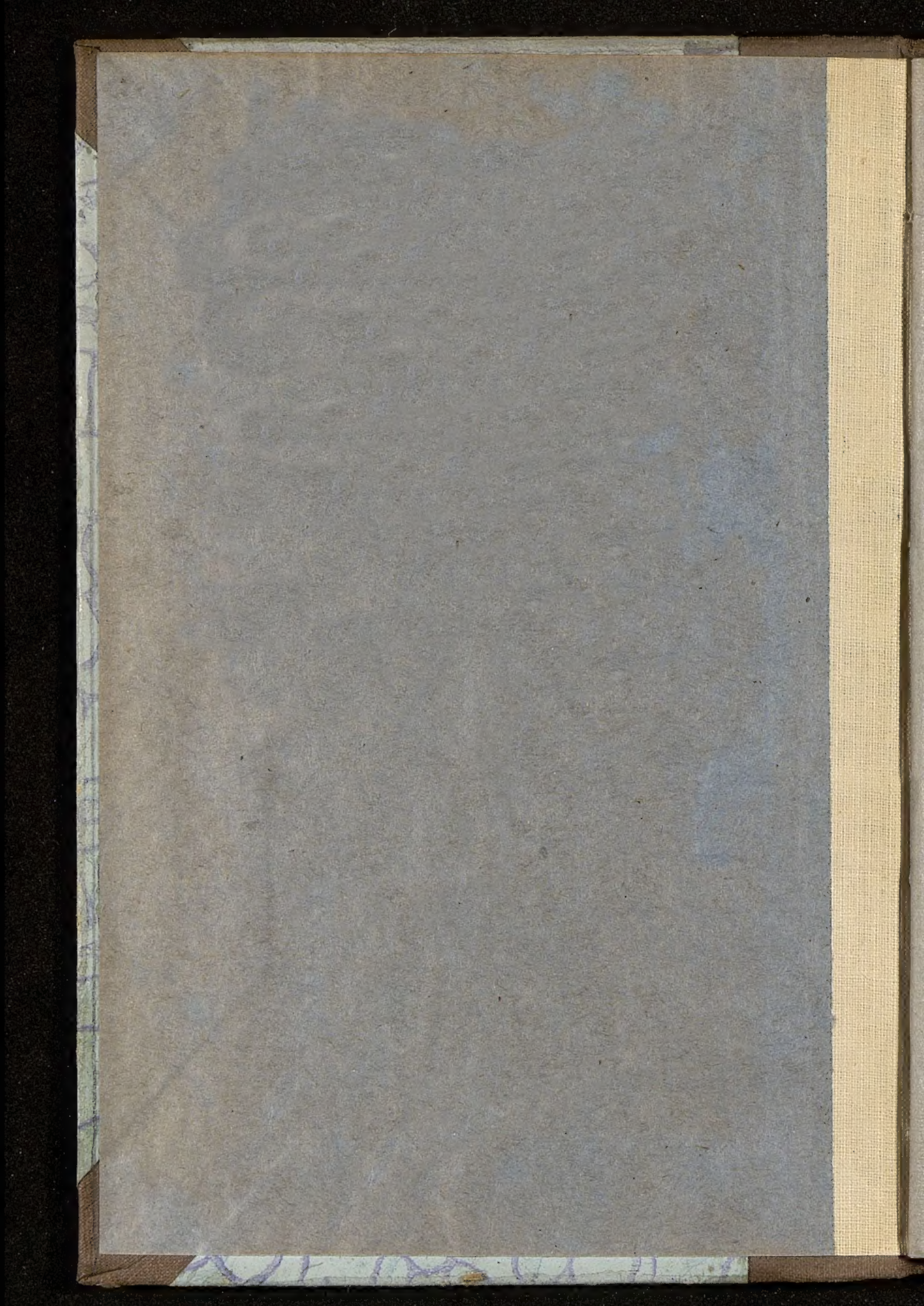
С. КУПЕР

ВОЙНА

ОГИЗ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ“
1935

РУССКОЕ АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
Л. М ЭРИКСОНЪ и К° ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ИСТОРИЯ „КРАСНОЙ ЗАРИ“

Государственное Издательство «История фабрик и заводов»
Ленинградское Отделение

С. КУПЕР

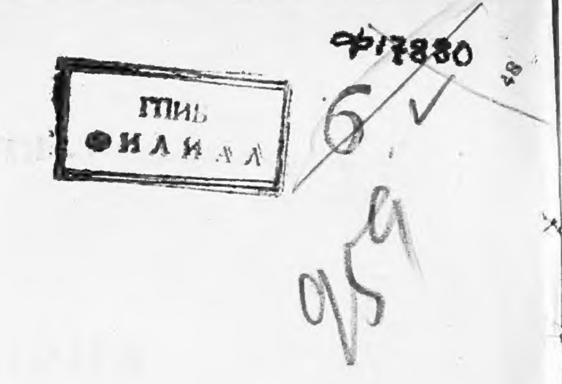
ВОЙНА

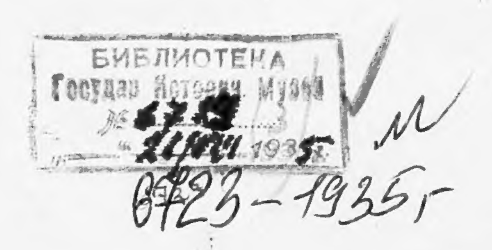
1914—1917 годы на заводе „Красная заря“

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. И. ИЛЬИНА

МОСКВА ЛЕНИНГРАД 1935

На правах рукописи

Отв. редактор А. Бейлин
Техн. редактор Ю. Слепян
Обложка — автолитография
Д. Кутателадзе

ОТ РЕДАКЦИИ

На крупнейших ленинградских фабриках и заводах, гигантах социалистической промышленности, широко развернулось массовое движение за создание истории заводов. Объединившиеся вокруг заводских редколлегий историки, писатели и молодые авторы подняли значительное количество новых архивных материалов, собрали много воспоминаний участников революционного движения, старых большевиков-подпольщиков. Результатами этого движения явились первые книги и десятки глав, охватывающих отдельные исторические периоды.

Для наиболее широкого обсуждения этих материалов на массовых заводских собраниях Областная редакция наметила печатание некоторых глав на правах рукописей.

Книга С. Купера «Война», выпускаемая в этой серии, является частью истории завода «Красная заря» (б. Эриксон) и войдет в общий том истории завода.

С. Купер показывает, как в годы империалистической войны эриксоновские большевики боролись за овладение массами и, разгромив группу меньшевиков-оборонцев, пришли к Февральской революции 1917 г.

Книга написана на основе большого количества архивных материалов, воспоминаний и литературных источников.

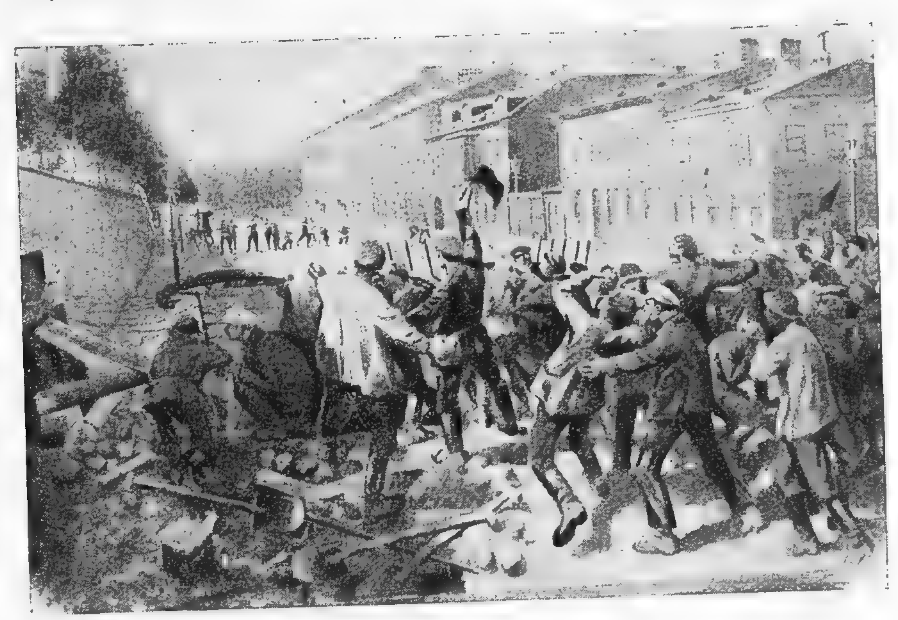
Работа молодого автора, как и всей бригады, создающей историю завода «Красная заря», проходит в тесной связи с массами. Рабочие, собиравшие материалы, теперь становятся читателями книг и активными их рецензентами и редакторами.

Редакция, придавая большое значение массовой читательской критике, ждет широких обсуждений этой книги на заводах, ждет письменных отзывов рабочих-краснозорцев, писателей и историков.

Ленинградская областная редакция
«Истории заводов»

НАЧАЛО

Развороченные мостовые и земляные валы на разрытых улицах напоминали Выборгской стороне об июльских баррикадах.[1] Эриксоновские директора сменили гнев на милость: с ворот завода спешно снимали замки и срывали объявления о локауте. Вместо «примерной» кары за бунт, вместо обысков и арестов всех ожидали приглашения явиться на завод.

Июльские баррикады 1914 г. на Выборгской стороне.
(С карт. худ. Владимирова.)

Наступили тревожные дни. По улицам носились юркие газетчики, звонко крича об убийстве в Сараеве, на перекрестках оживленно и нервно толковали о надвигавшейся войне.

В первую суматошную ночь до утра из окон участка падали на плиты панели рыжие, колеблющиеся квадраты огней. В рамке дверей ежеминутно появлялись тучные фигуры полицейских и проваливались в темноту улицы.

Безмолвие Выборгской стороны прерывалось властными стуками в рабочие квартиры, нарушавшими чуткий сон вчерашних участников баррикад. Накинув на плечи пальто, встревоженные рабочие подходили к окнам. Полицейские вручали им повестки: это был призыв уволенных в запас матросов на царскую службу.

К утру 18 июля 1914 г. город был расцвечен: с домов и заборов нацеливались на прохожих темнокрасные приказы о мобилизации, пялились белые объявления о расценке патриотических даяний армии: подушек, сапог, белья.

На следующий день эриксоновские рабочие направлялись в цеха завода. Не разрешая собираться у станков, мастера гнали их на Гельсингфорскую. В узкой уличке стояли молодцеватые офицеры, туго обтянутые портупеями. С блестящих погон стекали золотом солнечные лучи. Услужливые унтера и полицейские разбивали пришедших на партии.

В воротах показался заведующий заводом Величко. Под напускной важностью он старался скрыть свою растерянность. И то подумать — согнали людей в неподготовленные после локаута мастерские. И опять угоняют.

Беспокойно снуя в толпе, Величко тихонько говорил то одному, то другому рабочему:

— Подавайте заявления... Подавайте заявления...

Он знал: если всех этих людей заберут на фронт, из эриксоновского, значит и из его собственного кармана, безвозвратно уплывут доходы за военный заказ, из которых каждый акционер уже высчитал свою долю. Как быть без квалифицированных рабочих? С самого утра из правления запрашивали инструкции в обществе заводчиков и фабрикантов, но и там растерянно разводили руками.

Запасных гнали партиями в казармы. Дюжие фельдфебели охраняли их. Мобилизованных сопровождали женщины. Они шли за своими мужьями, отцами и детьми.

Запасных гнали партиями в казармы. *(Фото.)*

«Видит господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли мы оружие» — возвещал царский манифест.

— Товарищи! Правительство и буржуазия посеяли ветер, — они пожнут бурю, — передавались в цехах слова листовки ПК.

На «Эриксоне» к работе не приступали. Группами собирались около передовых рабочих. Казалось, случившееся — не такая уж неожиданность. И международные социалистические конгрессы, и партийные конференции говорили о готовящейся войне. Да и выборжцам ли не знать этого? Как на дрожжах росла последние годы промышленность Выборгской стороны. Снаряды, броня, мины, патроны, артиллерия, аэропланы.

И все же некоторых охватывала растерянность. Они жались у верстаков, с преувеличенным вниманием копались в аппаратах. Большинство же эриксоновцев решительно выступили против войны. Не мало труда стоило им увлечь за собой колеблющихся.

Протестующие рабочие покидали цеха. Заводский двор быстро наполнялся людьми. Откуда-то вынырнул возбужденный Иван Маврин.[2] На шее у него красный галстук; взлохмаченные волосы выбились из-под шляпы. Ему подкатывают бочку, и он, вскочив на нее, говорит о сущности войны, о политике империалистов. У ворот показывается

полиция. Маврин не заканчивает речи. Он прыгает с бочки, крикнув: «Долой войну, долой Николая кровавого!» Толпа, поглотив его, выходит из ворот на Сампсониевский.

К заводу подошли лесснеровцы. Закупорили проспект. Солдаты, находившиеся против завода, в казармах Московского полка, и наблюдавшие со всех трех этажей за происходившим, высыпали на двор, жались к решеткам забора. Подбежали переполошившиеся офицеры, погнали солдат обратно в казармы.

Демонстранты идут дальше. На ходу они прикрепляют к палкам красные платки и ленты. Рабочие соседних заводов присоединяются к ним.

У Фризова переулка новая встреча. Поднятый на руки товарищами рабочий Богомолов, забыв, что на углу участок, обращается к толпе.

— Самодержавие, — кричит он, — старая галоша, а туда же, воевать!..

Кто-то заметил, что в участке у окна устанавливают фотографический аппарат. Богомолову прикрывают лицо кепкой. Некоторое время он еще продолжает говорить и затем прыгает в толпу.

На улице — сутолока. Манифестации, контрманифестации, крики «ура!», «Отречемся от старого мира», «Боже, царя храни». Демонстранты встречаются, стыдят друг друга, чуть не дерутся. Полиция растерянно бродит в народе.

Лев Иванович Шпергазе, создатель и вдохновитель петербургского отделения фирмы «Эриксон», с горечью выслушивал донесения служащих о беспорядках, наблюдая за толпой из окна своего кабинета. Он всегда невысоко расценивал политику царского правительства. Происходившая сумятица, по его мнению, лучше всего показывала, насколько и в этот исторический момент там, наверху, не подготовлены к ведению новой войны, войны за Дарданеллы, за ключи от собственного дома. Попытка оставить завод без рабочих — лучшее доказательство, что несчастная русско-японская война ничему не научила правительство. В борьбу с такими технически вооруженными врагами, как Германия и Австрия, русские генералы все еще шли с суворовским заветом: «Пуля — дура, штык — молодец».

Шпергазе не печалился, что завод не подготовлен к возобновлению работы, что отсутствуют заготовки и материалы. Не беда, если несколько дней рабочие поша-

таются без дела. Теперь все можно наверстать. Он знал, чем является в современных условиях война. И с великолепным спокойствием ждал ближайшего заседания своего союза.

В обществе фабрикантов и заводчиков спешно обсуждали создавшееся положение. Около сорока процентов рабочих были вызваны на сборные пункты.

«Необходимо требовать возвращения квалифицированных металлистов, иначе нельзя гарантировать заказы, — поучал царедворцев союз фабрикантов. — Пусть каждый работает как военнообязанный у своего станка».

Телефонный завод быстро перестраивался. Правление приостановило частные заказы и приняло решение:

«Обратиться в морское министерство, в Инженерное управление и в Главное артиллерийское управление с ходатайством об оставлении служащих и рабочих, занятых по изготовлению военных заказов».

«Мирный» телефонный завод потерял свою мирную видимость и целиком стал работать на войну. Квалифицированных эриксоновцев вернули обратно.

Шпергазе сразу оценил преимущества, которые давала война предпринимателям. Возглас директора «Айваза»: «теперь война, — могу согнуть в бараний рог», понравился его коллегам. Стоя у станка, военнообязанный должен был знать, что он тот же солдат. Отсрочку давали лишь на две недели. Чуть что — ее не возобновят, и фронт заменит цех.

Под такую расправу попал регулировщик Гельт. Он собирал индуктор в аппаратном цеху, когда обвалилась полка с микротелефонными аппаратами. В мастерской было тесно, и Гельт работал под самой полкой. Изувеченного, с переломленной грудной клеткой, его вытащили из-под кучи микротелефонов. Шесть месяцев пролежал Гельт в больнице, а когда вышел оттуда инвалидом, кто-то посоветовал ему подать в суд.

Пока иск проходил по инстанциям, Гельт был быстро пропущен через военно-призывную комиссию и отправлен на фронт.

Казалось, это так не похоже на благодушного либерала Шпергазе. Не даром же он держал для грязной работы Величко. В минуты откровенности он говорил:

— Для таких дел у меня сволочь есть.

Петербургское «общество» на коленях перед Зимним дворцом.
(Фото.)

Он был бы, вероятно, удивлен, если бы ему напомнили, как однажды на заседании правления больничной кассы он называл себя анархистом. И действительно: мало был похож на анархиста этот представительный буржуа, втиснувший свою тучнеющую фигуру в мундир прапорщика запаса. Да и чего можно было ожидать от человека, вдруг заинтересовавшегося покроем царских брюк?

— Знаете, что это за фасон? — говорил он инженерам, с почтением оглядывавшим его военный вид. — Это покрой Александра III, моего любимого монарха.

Лев Иванович был типичным представителем своего класса. Не его одного война заставила измениться. Вся буржуазия, утратив остатки оппозиционности, 26 июля провозгласила устами своего вождя Милюкова:

— Господа! В этой войне все наше прошлое и все наше будущее, и этим, я думаю, все сказано.

Да, этим было все сказано. С объявлением войны буржуазия была готова на политическое самоотречение. Она не ставила условий и требований правительству а лишь надеялась на реформы сверху.

Наступал период линяния. Линяло московское студенче-

ство, на коленях певшее «Боже, царя храни» после патриотических речей градоначальника. Линяло петербургское «общество», устраивавшее торжественную встречу Николаю у Казанского собора. Линял и Шпергазе.

Рабочим директор предпочитал попрежнему казаться анархистом и не изменил своего обращения с ними. Однако разоблачить его было нетрудно. Если раньше стены его особняка на Васильевском были увешаны всевозможными картинами — страсть дельца, если позже к ним прибавились иконы — дань религии, то теперь в комнатах появился портрет любимого монарха, а вскоре — и изображение его царствующего сына.

Демонстрация с красными флагами 20 июля в день объявления войны, когда полиция доносила, что толпы лесснеровцев и эриксоновцев избили полицейских за нежелание отпустить запасных домой, была последней. По сравнению с первой половиной июля, в августе число забастовок в стране сократилось в сорок раз. [3]

Некоторые рабочие еще с надеждой смотрели на Запад. Ждали веского, решительного слова от германской социал-демократии и других западных социалистических партий.

У призывного участка на окраине. *(Фото.)*

И вдруг оттуда донеслись патриотические гимны. Германская фракция с.-д. голосовала в рейхстаге за военные кредиты. Французские социалисты вошли в буржуазное министерство, английские поддержали свое империалистическое правительство.

Но, может, это ложь? — недоумевали на заводах. Может, подкупленная шовинистическая пресса пускает утку? Ведь думская социал-демократическая фракция голосовала против кредитов? И даже в маленькой Сербии социал-демократы мужественно выступили против войны.

Вести просачивались отовсюду. Беззастенчиво на весь мир прозвучали предательские слова седовласого патриарха II Интернационала Каутского: «Интернационал — инструмент мира, а не войны». Возмущенный предательством Каутского Франц Меринг бросил ему: «Проститутка». Пощечиной прозвучало выступление Розы Люксембург, назвавшей официальную социал-демократию смердящим трупом. Мужественную позицию занял Либкнехт, голосуя против военных кредитов. Чем больше обнажалась неприглядность гниющего II Интернационала, тем быстрее отходило от него все революционное.

Война стала фактом. Трудящимся 46 воюющих государств содержание семидесятимиллионной армии обходилось:

в 1914 г.	10 млн. в день.	
» 1915 »	17 »	»
» 1916 »	50 »	»
» 1917 » . . . . около	70 »	» [4]

Несмотря на старания правительства рабочий класс устоял перед патриотическим угаром и не поддавался шовинистической агитации. По примеру II Интернационала русские меньшевики и эсеры перешли на сторону буржуазии. Правительство с удивительной неуклюжестью само разоблачало лживость патриотов. Сразу после мобилизации начался поход против врага внутреннего. Громились рабочие организации. Прекратили существование профессиональные союзы и клубы. Были закрыты журналы. По рабочим районам прошла волна арестов и ссылок. Это привело к временному затишью в рабочем движении.

Чтобы создать патриотические настроения на заводах, хозяева бросили лозунг:

— Гони! Все заработанное — твое.

И к заводам густо плыли патриотические мотивы:

Благослови оружие, господь,
Бесстрашно в бой идущего солдата,
Чтоб мощью сил сломить и побороть
Врага и супостата.

А под шумок на армию ассигновывались миллиарды.

«Головы всем поднять и иметь вид победителей, — приказывал командующий армией, — так как победить мы должны во что бы то ни стало».

«Мир будет заключен только в Берлине», эхом размножали столичные газеты.

«При современной технике война не может продлиться больше трех месяцев», откликалась пресса Москвы, Киева, Владивостока, Баку.

Это все, что могли читать на заводах. В первый же день объявления войны рабочие газеты были разгромлены.

И удивительно ли, что многих обволакивал шовинизм, если русский апостол социализма, Георгий Валентинович Плеханов, заранее разрешил все военные грехи. Не верить в крах II Интернационала было невозможно.

Меньшевики говорили: «Мы против войны. Но она началась. Какой стороне желать победы? Чем мы хуже немецких и французских социал-демократов?»

«Попытки устраивать демонстрации, — вспоминает Антюхин,[5] — оказывались крайне неудачными.

— Бастовать? — кричали нам, — чтобы немец там перебил наших безоружных товарищей?..

Но другие говорили:

— Мы пойдем воевать, и потом оружия из рук не выпустим.

Это стало припевом при проводах на фронт».

Дела этих дней иной раз поражали своей необычностью. На заводе работал француз, давно забывший родной язык. Поднятый прессой шовинистический вой так подействовал на него, что он решил поехать на родину, чтобы вступить в ряды войск. Объясняясь с соотечественниками при помощи жестов, он начал сложные хлопоты перед консулом и отправился из Одессы через нейтральные страны в Париж, чтобы добиться реванша у немцев за прежние поражения.

Говорить о классовой борьбе стало опасным.

На площадках между цехами, прозванными «парламентом», у верстаков, в уборных обменивались сведениями об атаках,

боях, обходах. Снижение патриотического угара на «Эриксоне» под влиянием поражений в Восточной Пруссии сменилось новым взлетом его при известии о победах в Галиции. 3 сентября, ценой 230 тысяч солдат, был занят Львов. Испытывая недостаток в боевых припасах, русские войска все же обложили крепость Перемышль, постепенно занимая перевалы в Карпатах. Первые успехи кружили голову, и казалось, что победа и мир действительно близки.

В эриксоновских столярных мастерских вертлявый эсер Шашлов, [6] заслышав о новой победе русского оружия, орал:

— Пораженцы, как поживает сегодня Василий Федорович?!

Столяры язвительно хохотали, откладывая коловороты, стамески, и выжидательно поглядывали на большевиков. Переименование немецкого императора Вильгельма-Фридриха в Василия Федоровича казалось им очень забавным и остроумным.

На заводе пытались задавать тон ежедневно появлявшиеся новые люди. По их пугливым движениям у станков, по пухлым белым рукам, по бегающим глазам можно было заметить, что они видят завод впервые.

В инструментальную поступил высокий, осанистый токарь. Он растерялся от непривычных заводских порядков, бегая за инструментом, за марками, за калибрами, за лекалами.

Зажав, наконец, болванку в патрон, он стал неловко придвигать суппорт. Дернулась отводка, завертелся шпиндель. Не слыша скрежета стали, токарь наклонился: в суппорте не было резца.

Новичок суетился, искал под станком, в ящике: резец исчез. Он метался у станков соседей: никто ничего не знал. Прозвонили на обед, опять начали работать — инструмент не находился.

Вспотевший, растерянный токарь попросил одолжить резец. Ему дали.

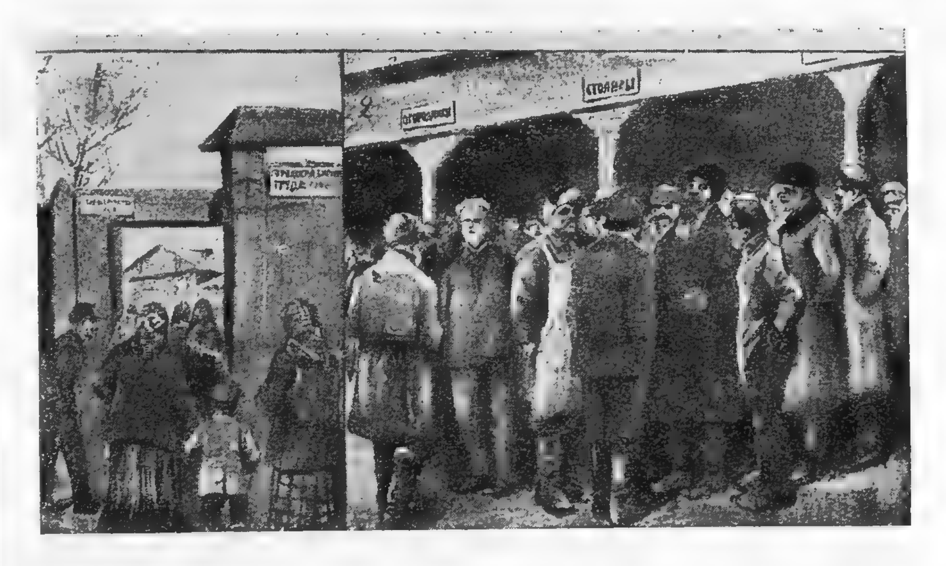
— Не забудь закалить, — предупредили его с улыбкой.

Токарь побежал в кузницу. Через полчаса вернулся еще более растерянный.

— Резец пропал, — в смятении признался он. — Я сунул в горно, потом ищу, — нет.

— Что за притча? Поищи хорошенечко.

— Кузнецы гонят. Какой народ, какой злой народ!

На Бирже труда в 1914 г. *(Репродукция из журн. «Огонек».)*

— А ты давно токаришь?

— Я — с детства...

— А в булочной женка управится?

«Токарь» больше не показывался. Он, может, и не узнал, что ему дали свинцовый резец, чтобы проверить знания новичка.

На заводы потянулись люди, занимавшиеся до того легкой наживой. Среди патриотов, предпочитавших станки окопам, рабочие узнали собственника парикмахерской — Каца, владельца типографии — Либермана и много кустарей и ларечников. Даже содержатель пивной с угла Фризова — Володька Молоток — устроился на заводе вместе со своим половым.

Вскоре окрестности обошла весть, что на «Эриксоне» «варят чорта». К шабашу у ворот жались подозрительные люди. Рабочие из-под полы чем-то обменивались с ними.

В одно пасмурное утро цеха облетело:

— Засыпались! Со «Шпергазе» разрыв сердца.

Конфуз получился большой. Казенки, пивные, кабаки с объявлением войны были закрыты. Рассыпавшись по заводам, кабатчики продолжали заниматься своим делом. Наиболее осторожные гнали самогон дома. Они сперва продавали его за деньги, потом стали отпускать лишь за натуру.

Более темпераментные занялись варкой тут же, в цехах. В эту «работу» вносили изобретательскую смелость и рационализаторский пыл. В политуру опускали вату и сыпали соль. Вата впитывала шерлак, а соль очищала жидкость и делала ее прозрачной. Политуры для окраски коммутаторов в столярных цехах было заготовлено много. Забираясь в какой-нибудь укромный уголок, некоторые пили до потери сознания.

Столяр, прозванный «Шпергазе» (бородка его на редкость была похожа на бородку директора), допился до разрыва сердца. При вскрытии у него в желудке нашли около фунта шерлака. За самогонщиками стали следить. Их поймали и обнаружили больше 50 бутылок очищенной политуры.

Заводским агитаторам-большевикам приходилось прибегать к всевозможным уловкам, чтобы проводить с рабочими политические беседы. Ходить в другие цеха запрещалось. Таежный [7] обычно брал сверло и шатался по этажам, будто в поисках наждачного круга.

Часто в мастерской Тюленева он сталкивался с объединенцем Бакеевым. В этой мастерской было много объединенцев. На «Эриксоне» трудно было найти разницу между ними и оборонцами, хотя объединенцы упорно старались казаться самостоятельными и поддерживали связь со своим центром на Васильевском Острове.

Бакеев, широкоплечий, с бычьей шеей и вечным мундштуком в зубах, играл в цеху роль патриарха. Около него всегда толпился народ. Используя чужую аудиторию, Таежный развивал пораженческие теории.

Как-то, припертый к стенке, Бакеев, нервно глотая табачный дым, бросил:

— Ваш ЦК с Лениным кормится у немецкого...

Он не досказал. Тяжелый кулак вбил ему мундштук в рот. Выплевывая его с кровью, Бакеев бросился на врага, но между ними стали рабочие.

Неприкрытое разложение охватывало оборонцев. Как иначе можно назвать тактику помощи буржуазии в ведении самой хищной захватнической войны, какую знало человечество? Как назвать письмо к Шпергазе первого председателя Петербургского союза металлистов и бывшего председателя эриксоновской больничной кассы, Александра Яцыневича, [8] полное унизительнейшего низкопоклонства?

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ ЛЕВ ИВАНОВИЧ!

Я извиняюсь, что беспокою вас, так как у вас и без меня хлопот не мало, но все же я решил обратиться к вам с просьбой.

Прошло полтора года, как меня выселили из Петербурга. Теперь я могу повторить то же, что и тогда говорил, что пострадал я зря, так как вне завода я не принимал ни в каких делах ни малейшего участия, а на заводе моя деятельность была у всех на виду и назвать ее преступной нельзя. В Риге я устроился недурно и до сих пор о Петрограде не думал. Здесь я даже в больничной кассе не принимал участия. Но завод эвакуируется в Москву. В силу запрещения, не имею права жительства в Москве, следовательно, мне предстоит лишиться заработка, а так как я ратник 1 разряда и мобилизован в сентябре месяце, то придется итти в действительную армию, оставив семью на произвол судьбы. На заводе я гораздо больше принесу пользы армии, чем на войне. Вот я и решил еще раз просить вас, Лев Иванович, — надеясь, что ваше отношение ко мне не изменилось, — похлопотать за меня перед петроградским градоначальником разрешить мне поселиться в Петрограде. Больше мне обращаться не к кому, и я с семьей будем вам очень признательны за ваше ходатайство. Думаю, меня не станут карать за мое прошлое много лет спустя. Последние годы я ничего преступного не совершил. В заключение еще раз благодарю вас за отношение ко мне при отъезде в Ригу, и если вы когда-либо найдете полезным призвать меня к себе на службу, то я всегда готов к вашим услугам.

Уважающий вас
Александр Яцыневич

Еще задолго до войны эриксоновские меньшевики, ведя ожесточенную борьбу с большевиками, все теснее смыкались с либеральной буржуазией. Гвоздев, в сущности, явился лишь их последователем.

Оборонцы предпочитали не принимать личного участия в войне, но яростно ратовали за оборону, окопавшись на заводах. Рабочий Нечаев, в прошлом председатель союза металлистов, до того сроднился с оборончеством, что и слышать не хотел о стачке. По его мнению, не только Шпергазе

сочувствовал освободительному движению, но даже Величко, слывший жандармом, на самом деле, при близком столкновении, оказывался ничего парнем.

У некоторых рабочих закрадывались сомнения. Одних смущали «звезды марксизма», изменившие так молниеносно свое отношение к войне; другие ссылались на «людей большого ума». Трудно было организовывать работу: не было газет, связей, руководства. Это влияло на менее устойчивых рабочих и даже отдельных большевиков. В разговоре большевик Филлипов огорошил товарища таким вопросом:

— Скажи, не ошибаемся ли мы в нашей непримиримой тактике по отношению к войне?

Товарищ доказывал обратное.

Филиппов не унимался.

— Категорически так утверждать нельзя, — говорил он. — Во-первых, слишком обстановка сложна, а во-вторых, такие звезды марксизма, как Каутский, Вандервельде, люди большого ума, определенно стали за войну.

Другой большевик, А. М. Лупук, тогда еще молодой парень, честно признался в своих воспоминаниях:

«Война, манифестации, молебны. Меньшевики сразу стали лазареты организовывать. Многие, конечно, растерялись, и я, грешный, тоже. Я понимаю: собирать рубашечки всякие для армии — глупость, но что делать, не знаю».

Не одними шатаниями ограничилось дело. В опытной мастерской, производившей вольтметры и амперметры для военных приборов, укрылся от репрессий бывший большевик Иван Иванович Ставский. Народу в мастерской работало немного. Ставский из осторожности, пользуясь положением начальника, держался от рабочих в отдалении.

Война пришибла оторванного от революционной среды «опытного» мастера. После эмиграции он одевался по-европейски и несколько свысока смотрел на окружающих. Поведение западных социалистов окончательно сбило его с толку. Прислушиваясь к спорам молодежи, он частенько обрушивался на вчерашних единомышленников и ожесточенно рвал большевистские листовки.

Так проходили дни, недели, месяцы. Кончился 1914 год, начинался новый. До креста на святой Софии было так же далеко, как полгода назад, и ура-патриотизм становился все менее убедительным.

Depuis la [illegible] conférence de Zimmerwald la situation internationale s'est encore aggravée; les victimes, dans les états belligérants augmentent de jour en jour en même temps que la cherté de la vie et la misère [illegible] par une spéculation effrénée, [illegible] par une corruption toujours croissant qui menace la force vitale des peuples

(Со времени Циммервальдской конференции международное положение еще более ухудшилось. Число жертв в воюющих странах увеличивается с каждым днем, при одновременном росте дороговизны и нищеты, которым благоприятствуют бесстыдная спекуляция и постоянно растущая коррупция, составляющие серьезную угрозу для народов).

Резолюция, написанная Лениным в Кинтале

Рабочий класс не пошатнулся, а его партия не прекратила борьбы. Понемногу партийные организации налаживали старые связи. Из далекой Швейцарии приходили большевистские газеты. По рукам пошел зачитанный до дыр 33-й номер «Социал-демократа» с сентябрьскими тезисами Ленина о войне. Практики вооружались революционной теорией. Сотни разнообразных мнений, десятки неуклюжих формулировок отпали перед коротким всеобъемлющим лозунгом: «Превратить войну империалистическую в войну гражданскую».

9 января заводская ячейка решила сделать первую вылазку. В обеденный перерыв, стоя на плечах товарищей, Павел Галанин обратился к хлынувшим на лестницы рабочим. Молча слушали эриксоновцы большевика, и в памяти вставало кровавое воскресенье, прыгающие рикошетом по мерзлым камням неумолимые пули, падающие в конвульсиях родные, ползающие по снегу друзья.

— Остановись, негодяй! Что делаешь?

За полы оратора цеплялся Величко. Его сутулая фигура металась внизу испуганно и жалко.

Галанин, пользуясь замешательством, продолжал говорить.

Заведующий, пораженный такой дерзостью, отпрянул. Прихрамывая, он направился к конторе. Рабочие, опасаясь появления полиции, окружили Галанина и, сомкнувшись вокруг него, устремились к проходной, не давая охране себя разъединить.

Как скромно выглядело это поминание жертв 9 января по сравнению с прошлогодним.

В прошлом году бастовало 140 тысяч, два года назад 80 тысяч человек отмечали этот день стачкой, а в этом ни один завод передового Выборгского района даже летучкой не отозвался на призыв ПК.

И все же толчок был дан. Рабочие сосредоточенно вдумывались в слова розданной на митинге листовки.

«Ослабив и ослабляя военным положением и мобилизацией демократию и ее авангард — городской пролетариат, правительство пользуется громом наступившей войны в первую голову для одержания победы над своими внутренними врагами».

ИМЕНЕМ ЗАКОНА

Война помогла шведской фирме присосаться к казенному кошельку. Если раньше за свою гибкость и уменье приспособиться к русским условиям «Эриксон» был вознагражден организацией Военно-морского отдела, то теперь он окончательно стал сопричисленным к лику избранных.

Самодержавие очень скоро ощутило свою техническую отсталость. Первые же сражения показали, что современная война — это не только люди, пушки и приборы управления огнем. Фронтовики-рабочие писали на завод:

«Господин Эриксон! Почему немец нас слышит, а мы его не можем?»

Обескураженное слабой связью на фронтах военное министерство суетливо подгоняло выполнение телефонных заказов.

«Ввести сверхурочные работы до 8 часов вечера и ночные с 6 до $3^1/_2$ часов», решает правление 15 октября 1914 г., а в докладной записке отмечает свою дальновидность: мы, мол, все расширяли производство, вместо введения двухсменной работы, чтобы на случай нужды производить вдвое больше.

Через месяц торопливо освящают достроенный шестой этаж и новую электростанцию.

Акционеры до того заняты осваиванием добытого, что пренебрегают обычными церемониями. На запрос Шпергазе о времени и порядке торжества освящения новых корпусов отвечают:

— Освятить в рабочее время. Посторонних не приглашать

Надстройка этажей на заводе «Эриксон» в годы войны. *(Фото.)*

Слово «приобрести» становится манящим символом для акционеров «Ларс-Магнус Эриксон и К-о». Заседания и совещания посвящаются только вопросу расширения завода.

7 января 1915 г. правление решает приобрести за 24 тысячи рублей участок земли у Померанцева по Форбесову переулку. 16 февраля у Павловой за 125 тысяч приобретаются три участка на Фризовом, Форбесовом и Зеленковом переулках. Немедленно закладываются слесарно-ремонтная, меднолитейная и кузница.

25 июля постановили купить землю у инженера Беляева за 22 500 рублей на Фризовом. Вслед за этим по Форбесову за 19 тысяч покупаются новые участки.

Самая крупная сделка совершается 5 декабря: 400 тысяч рублей ассигнует правление на приобретение владений Елисеева.

Весь Форбесов переулок теперь принадлежит заводу. Его можно вычеркнуть из путеводителя по Петрограду. На Форбесовом спешно возводятся новые цеха.

И все же «Эриксону» тесно. Его соблазняет близость Невы.

Существование завода кажется невозможным без выхода к реке, набережная которой занята разными торговыми фирмами. С ближайшей из них, лесной биржей Громова, завязывается упорная тяжба. Все предложения «Эриксона» о продаже ему прибрежного клина отвергаются упрямым купчиной. У лесопромышленника в управе большие связи, и он остается непоколебим. Чтобы преодолеть неожиданное препятствие, правление вступает в переговоры с ниточной фабрикой. «Ниточная» имеет выход к Неве, но ей хочется быть связанной и с главной сухопутной магистралью — Сампсониевским. Эриксон уступает фабрике землю на Сампсониевском, с условием, что та поможет добиться выселения Громова.

Шпергазе — дипломат. Не даром он получал 20 тысяч рублей в год и возглавлял механическую секцию общества фабрикантов и заводчиков. Пример иностранных фирм, обзаводившихся потомством, оказался заразительным. У «Старого Лесснера» появился «Новый»; «Парвиайнен» и «Айваз» позаботились о том же. Правленцы «Эриксона» решают:

«Войти в соглашение с Главным техническим управлением, Главным артиллерийским управлением и с Петроградским районным совещанием о постройке нового завода и выразить согласие на таковую при условии субсидии правительства в размере 75 процентов стоимости нового предприятия, разложенной на заказы».

Связи в правительственных учреждениях укреплялись. Когда минный отдел морского министерства 29 января 1915 г. запросил правление завода об условиях передачи изобретения для управления прибором Обри в минах, акционеры расшаркались:

«Правление считает своим долгом предоставить означенное изобретение в распоряжение морского министерства без особой платы.

Морское министерство, решив применить наше изобретение, компенсирует нашу передачу патента выдачей нам заказов на оборудование для кораблей, строящихся по пятилетней программе».

На приборы Обри акционеры возлагали большие надежды.

«Ознакомившись с сущностью доклада Я. Н. Перепелкина [9] и имея некоторые сведения о положении обсуждаемого вопроса, правление полагает возможным считать пред-

стоящий заказ приборов на 27 миноносцев не подлежащим сомнению».

Уверенность в успехе была так велика, что, не имея еще заказа, Шпергазе приобретает на 43 505 рублей агрегатов станции и на 111 478 рублей кабеля. Он выезжает в Волжский район выбрать участок земли, пригодный для постройки нового завода.

Война порвала путы Эриксона. Если раньше все замысловатое, сложное, новое делалось в далеком Стокгольме, если когда-то в петербургское отделение не присылались даже чертежи, то теперь возникший между Россией и Швецией барьер дал неожиданную самостоятельность шведскому пасынку.

В желании угодить русскому хозяину шведская фирма зашла так далеко, что удалила не только немецких, но и некоторых эстонских мастеров. В цехах появляются русские мастера, спешно возведенные в этот чин из скромного звания бригадира. Величко не забывает преподать новым ставленникам, что в своем высоком положении они не должны здороваться за руку с рабочими.

Шпергазе торжествовал, потому что «Эриксон», наконец, превращался в русский завод, с русскими рабочими и русскими мастерами. Но временами директора пугало усердие чиновников, которые явно излишествовали. В патриотическом рвении, они требовали снятия с поста главного инженера — шведа Однера, несмотря на его холопское прошение о разрешении ему принять русское подданство. Однако в подданстве отказали, и блестящая карьера Однера оборвалась.

Впрочем, с такими мелкими неудобствами можно было мириться. Требования фронта росли, и на «Эриксоне» создали большой технический отдел. Если раньше завод расширялся без технического плана,[10] то теперь начинается упорная борьба за конструкцию.

Отечественное производство стояло на низком техническом уровне, а иностранные фирмы вовсе не были заинтересованы в производственной самостоятельности своих русских отделений. К войне петербургский «Эриксон» пришел с тяжеловесным австрийским ордонансом и форпостным телефоном.

Ордонанс не годился из-за сложности конструкции, отяжеленной массой мелких деталей. К тому же он был изобретен враждебной державой.

Еще меньше мог удовлетворить военные нужды форпостный телефон. Он применялся для разговоров на расстоянии всего лишь одной версты. Но даже в этих пределах форпостный телефон имел крупные недостатки. Для вызова собеседника надо было пользоваться свистком в мембране, что, разумеется, нельзя было сделать тихо. Круглый, как блюдечко, аппарат легко было переносить с места на место. Но эта легкость достигалась отсутствием в аппарате микрофона. Приходилось говорить и слушать в одну трубку, попеременно поднося ее ко рту и к уху. Эта конструкция открыто продавалась в Стокгольме, значилась в милитеркаталогах и была распространенной в Германии и Австрии.

Попытки изменить ордонанс были безуспешны. «Вояки считали, — говорит мастер Швихтенберг, — что военному нужно иметь такой микрофон, которым можно убить». В результате, на заводе был сконструирован аппарат 393-а. Это был почти тот же ордонанс, но с добавочной жилой, шунтом для выключения лишних сопротивлений в цепи и другими незначительными изменениями.

Фронт же настоятельно требовал военного аппарата, способного передавать звук на большое расстояние. Вся работа телефонного завода в годы войны была борьбой за дальность. Побочные изобретения и успехи ничего не значили.

Первое время на «Эриксоне» ограничивались вариантами телефона 393-а. Выпустили серию ЭА 501, а затем последовательно: ЭА 521, ЭА 522, ЭА 531, ЭА 532.

Война не давала передышки. Над окопами появились облачки удушливых газов. Гибкая шведская фирма немедленно приступила к конструированию «шлемофонов». Это были обыкновенные резиновые маски с двумя телефонами и микрофоном. От маски шел защищенный резиновой трубкой шнур, который можно было включать в любой аппарат. При помощи шлемофонов можно было поддерживать связь в условиях газовой атаки.

В то время как телефония переживала младенческий возраст и билась в бесплодных усилиях первых опытов, независимый от Швеции секретный военно-морской отдел завода[11] шел от победы к победе. Он получил заказы на военное оборудование четырех дредноутов, лихорадочно достраивавшихся судостроительными заводами. Для предотвра-

щения конкуренции «Эриксон» заключил договор с Гейслером и Сименсом, бросив им подачку, чтобы они не претендовали на получение заказов. Попутно военно-морской отдел изготовлял приборы для сверхдредноутов «Измаил», «Кинбурн», «Петропавловск» и «Севастополь», недавно заложенных на стапелях. Инженер Маругин, назначенный главным инженером после снятия Однера, разработал систему синхронной передачи. Стало возможным, сидя у себя в каюте, передавать распоряжения в машинное отделение. Управление ураганным огнем, торпедной лавой, минным веером, находясь в едином подчинении, могло помещаться где угодно.

Но никому не дано было превзойти начальника военно-морского отдела отставного полковника Перепелкина. Он разработал новую систему центральной наводки артиллерии. Честь испытания ее выпала на долю недавно законченного дредноута «Полтава». Одновременно новейшими усовершенствованиями оборудовался крейсер «Диана».

Тем не менее не это было главной заботой военно-морского отдела. Со времени цусимского разгрома Россия еще не успела обзавестись мощным флотом. Каждое известие об успехах немецкой эскадры приводило морское министерство в трепет.

Военно-морской отдел принял участие в возведении крепости Петра Великого. Это был грандиозный замысел. На островах и побережьи Финского залива устанавливались тяжелые дальнобойные батареи. Эриксоновские приборы должны были сделать форты неприступными. Весь вход в залив оказывался под обстрелом. Морская крепость Петра превращала Финский залив в закупоренное русское озеро.

Сердца суровых адмиралов из морского министерства были, наконец, тронуты стараниями опального полковника. Умиленные смертоносными изобретениями Перепелкина, они решаются даже на попрание традиций. Полковника в отставке представляют к производству в генерал-майоры.

Телефонный отдел проявлял не меньше рвения. Для морского министерства изготовили нагрудные аппараты: микрофоны укреплялись на грудном щите, к которому приделывались два наушника. Звук становился яснее, так как в уши не проникали посторонние шумы. Эти аппараты можно было включать в коммутаторы полевых и морских станций.

Не мало бились над устранением слышимости собственной речи. На первом этапе аппарат повторял разговор полностью. Весь сильный ток проходил через телефон говорящего, и ухо утомлялось звуковыми колебаниями. Утомленное ухо плохо воспринимало доходивший издали голос. Удачней была конструкция шахтных аппаратов, обладавших тремя проводами для разделения исходящего и входящего токов. Согласно построенным новым причудливым схемам, ток, проходя по линии, попадал не в телефон, а прямо в трубку.

Такие изобретения давались без особого труда. Но попрежнему не было легкого, далеко действующего полевого телефона. Техническая мысль в телефонии не освобождалась от подражания. После неудач с ордонансом стали совершенствовать форпостный аппарат. Результатом явился бителефон, впоследствии принесший фирме большие неприятности.

Бителефон как вариант форпостного казался на первых порах значительной удачей. Увеличив дальность в пять раз, он оставался легким и простым по конструкции. Чтобы можно было одновременно говорить и слушать, ему придали длинную трубку. Но, как и форпостный, бителефон не имел ни микрофона, ни элементов и капсюлей и потому сохранял его неудобства. Попрежнему трудно было добиться вызова с центральной станции.

Военное министерство горячо ухватилось за бителефоны. Заводу были даны большие заказы. Но скоро начались разочарования. Пять верст дальности, конечно, лучше одной версты. Но этого было недостаточно в войне с Германией, имевшей самую сильную в Европе «Всеобщую компанию электричества», куда входил лучший слаботочный завод «Сименс». Русские отделения его, моторное — «Сименс-Шуккерт» и телефонно-телеграфное — «Сименс-Гальске», знали о работе своего немецкого хозяина не больше, чем петербургский «Эриксон» о своем шведском.

Главная причина неудачи конструкторов заключалась в том, что они старались воздействовать на самый аппарат. Думали, что если усилить микрофон или усовершенствовать телефон, получится увеличение дальности. Пока же приходилось обыкновенный аппарат, заключенный в ящик, называть военно-полевым.

Из состояния бесплодных опытов телефонию вывел Роман Маркелович Трехцинский. Еще до войны он работал на заводе с профессором Наумовым, но был связан с фирмой лишь договорами, передающими ей право на изобретения. Мелкие стычки мешали сработаться, и он ушел. Теперь правление пригласило его заведывать телефонным отделом.

Трехцинский слыл среди инженеров чудаком. Его привыкли видеть постоянно в резиновых перчатках, с полотенцем на плече. Даже входя в уборную, он открывал дверь не иначе, как полотенцем. Об этом не мало судачили. Люди серьезные приписывали это постоянной возне с ядовитыми веществами в лаборатории, но досужая молодежь пускалась на более хитроумные догадки.

Инженер-электрик Трехцинский был специалистом не только в электротехнике, но и в химии. Он поражал работоспособностью и уменьем разбираться в сложных технических вопросах.

Мастеровые не взлюбили заведующего телефонным отделом. Он кричал на всех, увольнял по своему капризу, постоянно бранил мастеров за недостаточный нажим на рабочих.

— Трехцинский — хороший изобретатель, но еще лучший приобретатель, — говорили о нем рабочие.

К своей цели он шел настойчиво. В голодные годы студенчества Роман Маркелович сошелся с богатой немкой. Небольшой, черненький, щуплый, он был молод, и пожилая немка пускалась на всевозможные хитрости, чтобы удержать его. Ко времени окончания электротехнического института Роман Маркелович имел уже патенты на изобретения и ждал случая отделаться от неприятной обузы. На «Эриксоне» ему приглянулась молодая лаборантка. После неоднократных скандалов рассвирепевшая немка увезла из заводской квартиры заведующего телефонным отделом всю обстановку.

Домашние неприятности Трехцинского не мешали ему добиваться крупных достижений в работе. После неудачного бителефона, Трехцинский изобрел дифференциальный аппарат. Эта большая, настоящая победа давала заводу положение монополиста. Трехцинский-рационализатор стал изобретателем. Если до этого все поиски ограничивались усилением микрофона и усовершенствованием телефонного аппа-

рата, то он добился дальности, применив усиление переходящего тока на линии.

Главная трудность была резрешена: дифференциальный телефон преодолевал пространство. С изобретением его акционерное общество «Л. М. Эриксон» почувствовало под собой достаточно твердую почву, чтобы требовать расширения завода. В докладной записке председателю заводских приемщиков правление с гордостью подсчитывает: в 1910 г. сделано 26 500, в 1914 г. — 47 000, в 1915 г. — за 11 месяцев — 74 612 аппаратов. За неполный 1915 г. завод выпустил продукции почти столько же, сколько в первые 12 лет существования. Барыши акционеров в этом году перевалили за миллион.

Но в записке меньше всего говорится о прибылях. В черновике Шпергазе осторожно обращается с самим словом «капитал». Как культурный европеец, он разъясняет: «т. е. большие затраты». Капитала как прибыли нет. Есть только большие расходы, которые несут самоотверженные патриоты во имя родины. В окончательной редакции докладной записки даже слово «капитал» отсутствует. Русские товарищи Шпергазе знали лучше, как нужно писать в своем отечестве.

«Еще задолго до войны был лозунг: русскими средствами для русских людей», подчеркивают акционеры после перечисления своих заслуг.

Любой документ может опровергнуть их.

В протоколах Русского акционерного общества фамилии присутствующих звучат так: Виктор Клеминг — 10 акций, Эрик Сандберг — 40 акций, Геминг Иогансон — 10, Л. И. Шпергазе — 10, Р. Э. Эдлинг — 10, Странберг — 1, Гальстедт — 1 и Л. М. Эриксон — 915.

Из 1000 акций немногие попали в русские карманы. Ларс Магнус Эриксон знал, как обойти законы и сделать «русское акционерное общество» шведским. Это ли не русскими средствами для русских людей?

«Если рост производительности представляется необычным, — отмечают правленцы, — то объясняется это тем, что при объявлении войны почти единственным поставщиком телефонного имущества на армию оказался завод русского акционерного общества «Л. М. Эриксон и К-о».

Итак, конечные цели были достигнуты. В России «Эриксон» — монополист. 10 тысяч аппаратов в месяц — это могла

придумать только война. Чем отличался «Эриксон» от казенных заводов? Приезжали грузовики, на них спешно накладывали окутанные шнуром блестящие коробки, и машины, внушительно гудя, спешили в военное и морское министерства.

Чем реальнее становится угроза обострения русско-шведских отношений, тем более истинно русской хочет казаться фирма:

«Пользование русскими материалами и рабочей силой дало возможность не бояться остаться втупике перед закрытыми дверями Европы».

Нет ничего более жадного, чем капитал. Конечная цель достигнута, — немедленно появляется еще более соблазнительная цель:

«Постоянное стремление завода к расширению естественно не ограничивалось пределом наступления 1915 г. Наоборот, в планах правления было открытие отделения завода где-либо внутри России».

И опять елей:

«Правление поставило себе вопрос: не является ли его долгом перед родиной и ее защитниками новое расширение деятельности завода?»

— Десять тысяч аппаратов в месяц — это не плохо, — скромничали правленцы. — Но разве этого хватит?

Они обещали совещанию приемщиков ежемесячно 20 тысяч аппаратов.

Для нового гиганта наметили район «Бассейн Волги от Нижнего-Новгорода до Царицына». Русский рынок завоеван. Нужно продвигать диковинку на Восток. Новый завод проектировался не меньше петроградского. Для этого требовалось 4 миллиона рублей.

«Осуществление этого пособия возможно в форме выдачи заказа на 40 миллионов рублей с приплатой 10 процентов на расширение дела».

И, точно пугаясь огромной цифры, акционеры бормотали о послевоенном кризисе и заигрывали:

— Сорок миллионов. Ведь для министерства это так немного.

Война оказалась двуликим Янусом. И чем больше она поворачивалась к трудящимся своим лютым, смертоносным лицом, тем лучезарнее перед правящими и их присными представал «светлый» золотоносный лик.

По свидетельству современников, никогда в Петербурге еще так не веселились и не приобретали такого количества костюмов и бриллиантов, как в годы войны.

Царедворцы ликовали. Им казалось, что «мир в промышленности» был достигнут. Фабриканты заключили гарантийные конвенции, укрепили единый фронт. Военно-учетные карточки и отправка на позиции пришли на смену увольнениям и черным спискам. Расстрелы ивановознесенских и костромских рабочих заменили локауты и экзекуции. Партийные организации были в значительной мере разгромлены, профсоюзы закрыты, рабочая печать уничтожена.

Благодушие охранки в первые месяцы 1915 г. было беспредельно.

«Попытки революционных групп в поднятии настроения рабочих, понуждения к забастовкам 9 января в настоящем году почти не удавались», ликующе доносила полиция.

Особенно велика была их радость, когда сорвалась демонстрация в дни суда над думской фракцией большевиков.

«От задуманных эффектных выступлений отказались», хвастливо сообщала охранка.

Правда, попытки выступлений были и в дни суда. Шпики рыскали по рабочим кварталам, вылавливая агитаторов. На «Эриксоне» им удалось арестовать большевика Власова, которого они выслеживали с 1910 г. Тогда еще «он был обыскиваем в виду прожития в одной комнате с лицами, принадлежащими к социал-демократической организации». Но это не давало оснований даже по российским законам упрятать человека в тюрьму. Теперь Власова с десятками рабочих других заводов погнали в ссылку.

Приближалась годовщина Ленских дней. Правящие ждали ее с некоторой тревогой. Однако весь апрель и первое мая прошли без выступлений.

Положение рабочих ухудшалось. Опьяненные высокими прибылями, заводчики не шли на уступки. Против 160 тысяч дивиденда прошлого года «Эриксон» давал теперь 400 тысяч рублей. О прибавке рабочим эриксоновские акционеры и слышать не хотели.

— К чему? Разве теперь посмеют бастовать?

В начале войны русские экономисты опасались, что города будут завалены продуктами. С глубокомыслием они доказывали, что прекращение вывоза из страны, кормив-

шей половину Европы, приведет к изобилию картофеля, хлеба, масла. Вместо изобилия очень скоро почувствовались нехватки и повышение цен. Правительство пыталось таксировать цены на продукты. Но когда кого-нибудь из торговцев пробовали прижать — продукты исчезали.

Насмешкой звучало вынесенное после долгих переговоров и нажимов решение либеральствующих администраторов «Эриксона» о выдаче с 1 июля ежемесячного пособия женатым рабочим 7 рублей в месяц, женщинам и холостым — 5 рублей.

Если раньше многие рабочие, слушая оборонцев, соглашались, что «бастовать как-то неудобно: братья без вооружения гибнут в окопах», то теперь многие призадумались.

Первомайскую забастовку меньшевики сорвали: нельзя-де оставить фронт без аппаратов. Горсточка большевиков, убедившись, что меньшевистские настроения сильны, отменила свое постановление о демонстративном уходе в этот день с работы и заменила его решением вовсе не выходить на завод, чтобы отметить день международной солидарности. В цехах опять повеяло довоенными настроениями, и борьба началась с новой силой.

Продовольственная очередь в Петрограде в 1916 г. *(Фото.)*

2 июля разнесся слух, что рядом, на «Новом Лесснере», бросили работу. По цехам безостановочно, как ток, растеклось волнение. Пораженцы и оборонцы дрались у каждого станка, в каждой курилке.

Поддержать лесснеровцев не удалось. Большевики не успели раскачать цеха, как стало известным, что генерал-майор Бабкин обещал прибавку лесснеровцам. Но в спорах о стачке большевики уловили новые настроения и почувствовали, что туман шовинизма рассеивается. Такие неудачные попытки раскачивали эриксоновцев, подготовляя к борьбе. Неуступчивость и скупость хозяев обнажали лицемерие их призыва к совместным жертвам. Нужен был только ощутимый повод, чтобы всколыхнуть рабочих. И он подоспел через несколько дней.

7 июля лодочники прибавили по 2 копейки за перевоз; из-за споров с ними многие рабочие опоздали на работу,— их оштрафовали.

В цехах опять заволновались. Из этажа в этаж понеслись люди. У каждого станка — клуб. Решили требовать получающим до одного рубля 100 процентов надбавки, до двух рублей — 75, до трех рублей — 50, а получающим шесть рублей — 15 процентов.

Администрация отказала рабочим в прибавке, ссылаясь на высокие цены материалов, на ограниченность кредитов и неопределенность финансового положения.

На следующий день, придя в цеха, слесаря и столяры разложили на верстаках инструменты; токаря, фрезеровщики и строгали по обыкновению дернули отводки. В аппаратной, микротелефонной, коммутаторной, военно-морском все чинно уселись перед грудами деталей.

По этажам забегали мастера. Обращались к одному, к другому:

— Чего не работаете?

— Он не работает,— кивок на соседа,— и я не стал.

А в мастерских уже выбирали представителей в стачечный комитет.

Большевистская ячейка, насчитывавшая около 15 человек, решительно поставила вопрос об участии в стачке перед меньшевиками и эсерами, которые ничего не могли противопоставить возмущению рабочих и вынуждены были с большой неохотой итти в коалиционный стачком. Он составился, под председательством члена райкома Таежного,

из Бакеева, Жукова[12] и др. Стачком выработал требования, в которых между отменой 2 копеек за перевоз, прибавкой зарплаты, предоставлением помещений для завтраков и обедов, вписали восьмичасовой рабочий день, необязательность сверхурочных. Вокруг последнего вопроса шла жаркая борьба, в то время как отказавшегося от сверхурочных подозревали в большевизме.

Депутатов пригласили к заведующему заводом. В кабинете Величко были спущены шторы. За большим столом, кроме заведующего, сидел грузный военный, по бокам жались служащие.

Выборные положили требования на стол, но ни одна рука не протянулась к ним. Величко зловеще спросил:

— Знаете ли вы, что теперь не время бастовать?

Он перегнулся через стол, стараясь разглядеть выражения лиц. Их суровая сосредоточенность ничего ему не сказала.

— Всякий бастующий теперь работает на врага, — выкрикнул Величко поднимаясь. — Ваши требования ни на чем не основаны. Рабочие зарабатывают в несколько раз больше, чем до войны. Темные личности пробрались в вашу среду!.. Подкупленные шпионы...

Он ковылял, обходя кресла.

— Германский штаб послал шпионов на заводы. Мы не допустим... Мы выявим...

Его горячность не действовала, угрозы не пугали. Таежный спокойно ответил, что, в виду отказа хозяев завода в прибавке, рабочие не видят иного способа, кроме забастовки, довести до всеобщего сведения об их скупости и жадности. Пусть знают все, кто срывает работу.

Шпергазе сидел у края стола, наблюдая как посторонний за происходившим

— Лёв Иваныч... — дрожащим голосом обратился к нему старик-слесарь. — Жизнь дорожает... Вы должны войти в наше положение. У Лесснера на обдирке снарядов 5—6 рублей в день выгоняют. У нас слесарь первой руки того не имеет. Перевозят неаккуратно, опаздываешь на 15 минут — выбрасывают час.

— Обязательно упорядочим, — не замедлил обещать директор. — Приступайте к работе.

Делегация ушла. Только некоторые оборонцы остались в кабинете. У них был богатый опыт ходатаев, и они надеялись, что наедине с директором можно будет договориться.

— Лев Иванович, — подступили они к нему. — Рабочие волнуются. Оборона требует взаимных уступок. При круглосуточной работе прибыли...

Шпергазе возбужденно протянул ноги.

— Хорошо, господа, — оборвал он их настойчивую речь. — Снимите с меня последние брюки.

Он энергично стукнул по столу пухлой ладонью.

— Прибыли? — Миф. Мы опять должны платить 20 процентов неустойки за невыполнение в срок 50 тысяч микрофонных капсюлей. Сами режут фирму, а потом о прибылях толкуют.

Ходатаи уходили обескураженные. Директор уже ласковей напутствовал их:

— Вы, как люди культурные, должны вразумить товарищей, внушить им. Фирма скрипит и не в ваших интересах ее губить. При первой возможности я сам охотно...

Он облегченно вздохнул, когда они вышли, и назидательно заметил:

— Учитесь, Александр Адамович. Корректность делает чудеса.

Величко смущенно улыбнулся, восхищаясь ловкостью коллеги. Они действительно должны уплатить неустойку за несданные к сроку 50 тысяч микрофонных капсюлей. Но капсюли эти лежат готовые в кладовой. Цены на них так быстро росли, что они стоили уже по 12 рублей за штуку, в то время как прежняя цена равнялась 3 р. 50 к. Было выгодно уплатить по 70 копеек на капсюль неустойки и заработать разницу. А теперь, пожалуй, удастся и штраф не платить. Фирма не упускала случая возбуждать ходатайства о снятии неустойки, выставляя веские мотивы просрочки. Забастовка выручит.

В это время по цехам шли собрания, на которых выборные рассказывали о результате переговоров. А смущенные ходатаи, посовещавшись, отправились к полковнику Юхницкому, председателю приемщиков военного ведомства, и попросили прислать на «Эриксон» спасительную комиссию Бабкина.

Администрация струсила. Возникшая в тот же день стачка на Невском судостроительном усиливала напряжение. Уже в 9 часов заведующий сообщил обо всем градоначальнику, а в 2 часа на завод примчались участковый пристав

и фабричный инспектор. Они объяснили, что военной комиссии, рассматривающей вопрос о зарплате рабочих, вообще не существует. Это подлило нефти в пламя.

Не могли знать ходатаи, что когда председатель приемщиков «Нового Лесснера», генерал Бабкин, удалив администрацию, выслушал нужды рабочих и обещал им, чтобы не срывать работы, 100 процентов надбавки, от начальника охранки прошелестел рапорт о неосторожности генерала. И это учли.

Стачком нажимал. Он знал, что итальянку труднее проводить, чем активную забастовку. На психологию рабочего притягательно действует вертящийся шпиндель станка. Велико искушение, когда на верстаке разложены пилы, старательно откованные крецмесселя, блестят с трудом сделанные приспособления.

На второй день расчетливые правленцы выключили ток, чтобы станки не точили воздух.

Девятого июля отделение по охране общественной безопасности донесло о конфликте управляющему министерством внутренних дел. Десятого на завод пришла телеграмма:

Забастовка продолжается несколько дней, в то время как изделия необходимы для ведения войны тчк Предлагаю заводоуправлению приказать от моего имени военнообязанным немедленно приступить к работе, предложив остальным последовать этому примеру.

Главный начальник округа генерал-от-инфантерии Фролов.

Военнообязанные к работе не приступали, другие следовали их примеру. 11 июля начальнику штаба главнокомандующего, Бонч-Бруевичу, послали донесение о первой крупной забастовке в столице.

На завод прибыл новый приказ генерала-от-инфантерии:

Так как рабочие заводов Невского судостроительного и «Эриксон» к соглашению с администрацией заводов не пришли и телеграммы моей от 10 сего июля о приступе к работе не исполнили, на основании военного положения предписываю немедленно подлежащим властям неуклонно провести в исполнение следующие меры:

1) Все желающие приступить к работе на соответствующих условиях должны явиться на работу 13 сего июля в урочное время в порядке. 2) Все рабочие, которые не приступят к работам в назначенное время, должны быть совсем рассчитаны и уволены с завода. 3) Всех рабочих, которые числятся военнообязанными и получили отсрочку явки к исполнению воинской повинности для исполнения срочных заказов военного и морского ведомств, в случае неявки их на работу в назначенное время, немедленно призвать на сборные пункты для отправления в части войск.

Чтобы изолировать массу от инициаторов забастовки, деньги не явившимся за расчетом пересылались в депозит окружного суда. Забастовщикам угрожали высылкой. Но никто к работе не приступал.

12 июля к стачечникам обратился главнокомандующий армией со следующим объявлением:

Объявленіе

Главнокомандующаго арміею.

На поляхъ сраженія, откуда я недавно прибылъ, всѣ безъ изъятія дружно борятъся противъ сильнаго врага нашего.

Грустно, что это общее стремленіе побѣдить германца, повидимому, не раздѣляется рабочими нѣкоторыхъ заводовъ въ Петроградѣ, которые прекратили вырабатывать предметы Государственной обороны.

Всякій рабочій долженъ знать и помнить, что каждый часъ его работы увеличиваетъ нашу военную мощь, а каждый часъ бездѣйствія стоитъ многихъ жертвъ.

Завѣряю рабочихъ своимъ боевымъ опытомъ, что одно извѣстіе о забастовкахъ тяжко ложится на душу нашихъ воиновъ и вселяетъ злобную радость врагу.

Самовольное прекращеніе работъ въ настоящее время равносильно измѣнѣ Отечеству.

Допустить дальнѣйшую забастовку я не могу и мною отдано распоряженіе принять рѣшительныя мѣры къ возстановленію нарушеннаго порядка работъ на заводахъ

Подписалъ: Главнокомандующій,
Генералъ-Адъютантъ ***Рузскій.***

Не помог и генерал-адъютант. Охотников работать на прежних условиях не находилось.

13 июля Шпергазе получил четвертую телеграмму:

В виду приказания главнокомандующего шестой армией, прошу сделать зависящее распоряжение обязать личной явкой во вверенное мне управление рабочих из числа запасных нижних чинов и ратников первого разряда призывного возраста, которые не станут на работу в понедельник тринадцатого сего июля: на таковых рабочих прошу выслать списки.

Воинский начальник, генерал-майор Утин.

Страшнее генеральских приказов оказались возникшие среди стачечников разногласия. Пристегнутые к движению, меньшевики и эсеры панически били отбой. Они доказывали, что положение создалось совершенно безвыходное. Продолжение забастовки приведет лишь к разгрому, к отправке на фронт.

Большевики же, зная тревожное настроение на заводах, считали, что репрессии военных властей вызовут массовое возмущение. Это заставит правительство отступить. Нужно было теснее связаться с рабочими ближайших заводов.

Это трудное дело взял на себя столяр Иван Жуков, молодой большевик, недавно поступивший на телефонный завод. Война принудила его бежать из Литвы в Петроград. На «Эриксоне» он вошел в организацию и сразу выделился горячим задором и революционным темпераментом. Голубоглазый блондин, высокий, крепко сложенный, он демонстративно расхаживал по цехам в красной сатиновой рубахе, которая особенно выделялась под белым, ловко перехваченным сзади, передником. Получив задание, он умудрялся в обед сбегать на «Невку» или «Парвиайнен», а временами, договорившись с товарищем, чтобы тот отбил за него часы в проходной, исчезал на полдня из столярной.

В день, когда пришла телеграмма генерал-майора Утина, заведующий телефонным отделом Роман Маркелович Трехцинский обходил цеха. Рабочие впервые видели его без традиционного полотенца на плече и без резиновых перчаток. В руках его был список. Останавливаясь у каждого станка, он бросал:

— Будешь работать?

Лучший изобретатель телефонии состязался с Величко в исполнении жандармских обязанностей. Застигнутые врасплох, запуганные явкой к воинскому начальнику, рабочие

Іюль

1) 1-го Іюля — Объявленіе о назначеніи пособій на время текущей австро-германской войны в размѣрѣ:
Холостымъ 7 рублей в мѣсяцъ
Женатымъ и [illegible] 5 рублей

2) Іюля. — Военная комиссія на заводѣ [illegible] (Генералъ [illegible], Полковникъ [illegible] и [illegible]).

3) 7-го Іюля Вторникъ — Предъявленіе требованія рабочими о прибавкѣ: получающимъ до 1 р. — 100%
" " 2 — [illegible]
" " 3 — 30%
" " 4 — 25%
" " 5 — 20%
" " 6 — 15%

4) 8-го Іюля Среда. — Забастовка. [illegible] у станковъ и ничего не работаютъ. Требуютъ Военную комиссію.
9 ч. утра у Градоначальника.
12 ч. дня. Беседовалъ съ депутатами [illegible]
2 ч. дня Участковый [illegible] Инспекторъ и Приставъ беседовали съ депутатами рабочихъ сообщили что Военная комиссія [illegible]

5. 9-го Іюля. Четвергъ — Забастовка.
2 ч. дня Общее Собраніе [illegible] Общ. Зав. и Фабрик. до 6 час. вечера.

Много хлопот доставила эта забастовка Шпергазо

в большинстве случаев отвечали утвердительно. Но передовики говорили: «Нет». Против их фамилии Трехцинский ставил красный крест.

Понадобилось вмешательство трех генералов и предательство оборонцев, чтобы 13 июля отделение по охране общественной безопасности и порядка в столице могло донести, что «из явившихся на завод 2300 человек 1000 приступили к работе, преимущественно ратники ополчения I разряда и запасные нижние чины». Больше половины станков продолжали точить воздух. Из 400 человек ночной

смены работало только 230, тоже «преимущественно нижние чины».

14 июля у завода дежурили полицейские. Неработавшие предчувствовали беду, но сдаваться не хотели. Военнообязанные вынуждены были работать, остальные, продолжая итальянить, выражали протест, подчеркивали свое право на стачку.

Администрация отлично учитывала это. Каждый шаг ликвидации забастовки обсуждался десятками инстанций.

Революционные организации еще не оправились от военного разгрома, реакция же выступала во всеоружии.

Много хлопот доставила эта забастовка Шпергазе. В своей записной книжке он отмечает:

«8 июля в 9 утра у градоначальника; в 2 часа пристав и участковый инспектор.

9 июля в 2 часа — собрание механического отдела, общества заводчиков и фабрикантов до 6 часов вечера.

10 июля заседание правления. Совещание на «Лесснере».

В $10^1/_2$ часов совещание в министерстве торговли и промышленности.

В 8 часов вечера заседание комиссии механического отдела.

В 9 часов у градоначальника.

В 10 часов у градоначальника.

Полчаса двенадцатого у управл. отд. промышленности.

11 июля в 10 часов утра у товарища морского министра.

В 11 часов у морского министра.

Половина двенадцатого — совещание у главнокомандующего с участием завед. охранкой товарища министра внутренних дел и пр.».

Обычными репрессиями такие авторитетные инстанции не могли ограничиться. Изменников решили проучить примерно. 14-го, когда рабочие возвращались с обеда, у проходной на Гельсингфоргском переулке стоял отряд полицейских.

Каждого встречали окриком:

— Фамилия?

В калитку пропустили всех. Назад податься невозможно: кругом шпики, — не убежишь.

Во дворе за столом сидели пристав, Величко, Трехцинский, мастера. После подробного опроса рабочих загляды-

вали в списки и пропускали одних в цех, других через ворота на Фризов переулок.

Сто три человека вышли на Фризов, а вечером к ним явились околоточные, приглашая в часть. Рабочие не скрывались. Это, впрочем, было бы трудно: дворники следили за намеченными жертвами.

В участке встретили эриксоновцев грозно.

— Бастовать? Продались, сучьи дети. Ужо мы вас...

Выборгский участок не был рассчитан на такое обилие арестованных, и разместить их оказалось невозможным. Рассовали кого куда. Даже в крохотный изолятор загнали 40 человек.

«Мучили ужасно, — вспоминает рабочий. — Дышать было нечем. В 11 часов вечера построили по два в ряд и повели. Конвойным инструкция: кто подойдет — стрелять.

Привели в пожарную часть, но и там места нехватило. Поместили некоторых в нужник. Как промаялись ночь, — сказать трудно.

В 8 часов окружили пожарными и начали посадку на машины. Делалось все таинственно, чтобы никто и следа не нашел. На Петроградской стороне остановились у пожарной части, но видно и там нехватило места. Повезли на Васильевский.

Валялись на полу без сенников. Допрос снимали так:

— За сколько продался немцу?

И сразу же, не дожидаясь ответа:

— Молчи, сволочь. У нас доказательства.

К тюремным страданиям примешивалось еще сознание, что дома беспокоятся наши семьи. Родные даже не знали, куда нас увезли».

Но рабочие нашли выход: в окно бросили письмо. В нем эриксоновцы просили поднявшего весточку передать ее немедленно на Выборгскую сторону, в родные кварталы. Если бы это послание попало к полицейским, дорого обошлась бы арестованным их затея. Но, к счастью, письмо подняла жена одного рабочего. Сразу же захлопотали десятки людей. Вскоре Василеостровскую часть стали осаждать семьи арестованных. С Выборгской на Васильевский начались паломничества женщин и детворы с провизией, одеждой, бельем. Полиция вынуждена была разрешить свидания и передачи.

Старики говорят: «Войти в тюрьму — двери широки,

выйти — узки». Следователи готовили суровые заключения. Сперва предъявили статью, карающую тремя месяцами тюрьмы, вскоре ее заменили другой, требующей высылки до окончания войны.

Для подавления забастовки небольшого завода были подняты внушительные силы. И тени различия между самодержавием и буржуазией нельзя было уловить в этом дружном походе. Все было призвано к искоренению «крамолы». Арестованных ждало наказание, которое должно было, по мнению охранников, отбить охоту у пролетариата столицы и всей страны следовать их примеру.

На заводе хозяйничала охранка. Выявить вожаков не удалось, и в поисках их охранники рыскали по рабочим кварталам. Руководителям стачки нужно было принимать исключительные меры предосторожности. Большинство из них на ночь перекочевывало к приятелям.

Жуков решил перехитрить полицию: он целыми днями носился по Выборгской стороне из конца в конец, информируя заводские ячейки о положении на телефонном. Он говорил товарищам, что без немедленной поддержки рабочих других заводов обнаглевшие вояки растопчут рабочее движение. Из предосторожности, он ночевал в садике на скамейке, условившись с женой, что если ночью пожалуют гости, она постучит ему в окно прежде, чем открыть им.

Так он провел несколько беспокойных ночей. Никто не появлялся. Ложась, он уже снимал ботинки, подумывая о возможности перейти в комнату.

Как-то ночью жена услышала стук. Перепугавшись, она забарабанила по стеклу и пошла к дверям не раньше, чем мелькнули в свете белой петербургской ночи босые ноги перемахнувшего через забор мужа.

Открыв дверь, Жукова увидела приехавшего из провинции брата. Оставив его в недоумении у дверей, она бросилась догонять мужа, которого настигла только у Лесного...

Стачка была сорвана. Набирая новых рабочих, правление торжественно сообщало об этом. Но заставить людей работать — еще не значит сломить их.

Завод походил на развороченный муравейник. Известие о предполагавшейся высылке товарищей из столицы на время войны рисовало каждому рабочему его завтрашний день.

Наступил критический момент. Оборонцы поняли, что назревают крупные волнения. Они решили возмущение масс направить в другую сторону. И бросили клич:

— К Думе!

Собрание сменялось собранием. Их многолюдность пугала Величко, и он выгонял рабочих из цехов.

Они перекочевали на лестницы. В воротах появилась вызванная дирекцией полиция, эриксоновцы разошлись по цехам и скоро собрались в автоматно-револьверной. Полицейский отряд пробрался за рабочими, но они, спрятавшись за автоматы, встретили его дождем гаек. Усмирители бежали от невидимого врага.

Под влиянием меньшевистской агитации в Думу все же решили итти. Начались переговоры с секретарем ее, Дмитрюковым. Когда думцам сказали о волнениях на заводах, они испугались за проповедываемый ими «мир в промышленности» и забегали по приемным высоких лиц. Наступившая годовщина войны дала градоначальнику возможность объявить арестованным амнистию.

Ходатаи были удовлетворены.

У рабочих было меньше причин оставаться довольными.

«Нас на Литейный мост не пустили, но мы не сдавались, и нас здорово постегали, — вспоминает старик Петров, участник демонстрации к Думе, — а назад, на Выборгскую, мы попали только благодаря яличнику».

Остались недовольны и в заводоуправлении.

Секретарь Государственной Думы И. И. Дмитрюков 30 июля обратился к администрации завода с разъяснением, что «освобожденные от отбытия наказания рабочие должны быть приняты обратно на работу, так как акт прощения этих рабочих высшей военной властью логически вызывает акт прощения их предпринимателем».

Шпергазе добавлял:

«И. И. Дмитрюков счел долгом предупредить, что непринятие упомянутых рабочих обратно на работу может вызвать новую волну волнений на многих заводах».

В цеха вернулись 80 человек, 22 уклонились от оказанной милости, 189 рабочих взяли расчет еще раньше.

А общество заводчиков и фабрикантов?

Не даром они считали себя цветом страны, вдохновителями прогрессивных партий, преемниками великой империи.

На то они и союз заводчиков и фабрикантов, чтобы и из забастовки получить прибыль и извлечь выгоду.

Забастовал «Эриксон» и Невский судостроительный. Казалось, чего тут мудрить? К тому ли привыкли за последние годы?

«Общее собрание констатировало, — протоколируют заводчики в первые дни стачки, на заседании 9 июля, — что движение, существующее на многих петроградских заводах, не может считаться основанным на почве исключительно экономической, и следует признать, что движение это происходит на почве агитации, ничего общего с заводской жизнью не имеющей... и может быть полезно только нашим врагам».

Признав дальше, что заработная плата вполне достаточна и что рабочие волнуются-де зря, общество порешило:

«Ходатайствовать перед соответствующими властями о введении всеобщей милитаризации на заводах...»

Чего проще! Именем закона заставлять работать. И какого закона? Военного.

Ведь не каждый год бывает война и не каждый год в кассе приятно шелестят такие дивиденды.

„ДЕМОКРАТЫ" И „ДЕМАГОГИ"

Правительству не удалось обезоружить рабочий класс. Не помогли поголовные аресты и массовые высылки. Если 11 декабря 1914 г. охранка доносила, что «организация благодаря последовательным и систематическим ликвидациям наиболее активных партийных работников ни разу правильно наладить своей работы не успела», то с середины 1915 г. во всех донесениях звучит нескрываемая тревога.

И действительно, надежды на внутренний мир не оправдались. Не успели ликвидировать Петербургский комитет большевиков, как создается новый, выпустивший уже 18 июля 1914 г. первую прокламацию против войны. Из прежнего состава в нем остались Иван Маврин и представители других заводов.

Аресты 5 августа не коснулись членов ПК. Однако в облаве 27-го большинство пекистов было изъято, к великой радости охранки. А уже в октябре появилась новая листовка.

На некоторое время ослабил организацию арест большевистской фракции Думы 4 ноября. Разгул реакции не позволял эриксоновским большевикам, как и большинству партийных ячеек, провести однодневную забастовку протеста.

Часто из-за потери связи деятельность района была независима от ПК, но работа велась, и нити между райкомами и ПК вновь нащупывались после каждого провала. В докладе от 28 июня 1915 г. охранка вынуждена была признать, что ячейки «Эриксона» и ряда других заводов стараются «восстановить нелегальную работу... перейти

к широкой подпольной деятельности... к подысканию связей с Петербургским комитетом».

Июльские стачки «Эриксона» и Невского судостроительного были со времени объявления войны первыми симптомами того, что в столице упадок рабочего движения миновал. Забастовки текстильщиков и первые стачки сигнализировали о революционном подъеме. Пролетариат Питера устоял перед шовинистическими и оборонческими настроениями. Классы опять оказались лицом к лицу, готовые продолжать бой, прерванный объявлением войны.

19 июля 1915 г. в Ораниенбауме собралась общегородская большевистская конференция. К сожалению, о ней не сохранилось ничего, кроме крайне отрывочных воспоминаний.

«Эта конференция, — дает ей оценку один из участников, — подсчитала потери, определила состояние сил, правильно учла настроение рабочих масс, их желание повысить заработную плату, ближе и теснее спаяла каждого работника в одной и той же мысли: вести упорную систематическую борьбу с шовинистическими настроениями в рабочем классе, путем выдвигания экономических требований дала возможность проводить наши основные лозунги».

На «Эриксоне» расправа с итальянкой на некоторое время придавила цеха. Когда в августе ячейка решила бастовать, требуя повышения расценок, многие рабочие колебались.

Таежный, выполняя поручение ячейки, взял шляпу, пальто и, засвистев, крикнул: «Баста, выходи». Работу никто не бросил. В Тюменевскую мастерскую Таежный вошел один. У станка Бакеева он увидел Шпергазе, окруженного густой толпой. Директор принял меры против стачки. Рабочие внимательно слушали его сообщения о расценках. А в дверях стоял мастер Прибавин и ехидно, глядя на Таежного, спрашивал:

— Что, сорвалось?

Прибавин не донес, и неудачная забастовка обошлась без жертв.

Влияние военных властей, вторгавшихся в жизнь завода, не могло быть продолжительным. Арестованных вернули. А 3 сентября 1915 г. опять гудели провода, всполошившиеся люди не отходили от телефонов: бастовали заводы Выборгской стороны.

Впрочем, всполошились не все. Лев Иванович Шпергазе

не особенно противодействовал этой стачке. По мере того как война затягивалась, принося одни поражения, он воскрешал свои либеральные традиции, ходил недовольный, ворчал. Эта стачка не очень смутила директора «Эриксона»: лозунгом ее был протест против роспуска Думы, и меньшевики пытались склонить к нему эриксоновцев. Когда начались аресты забастовавших рабочих других заводов, большевики в знак протеста присоединились к стачке. Они решили повести это революционное выступление под пораженческими лозунгами.

Думское большинство не одобряло стараний своих услужливых друзей. Директор департамента полиции докладывал верховному главнокомандующему:

«Местная кадетская группа не ожидала выступления рабочих на роспуск Думы и не верит в его прочность, как стихийного, не имеющего организации и руководителей. Тем не менее это выступление уже подействовало охлаждающим образом на тактику кадетской группы, которая, опасаясь дальнейших выступлений улицы... склонна держаться умеренной тактики...»

И могли ли кадеты верить в «прочность» выступлений за Думу, если демонстранты вместо лозунгов поддержки Думы бросали клич: «Долой правительство»? Могли ли думцы опереться на оборонческих руководителей, если, в ответ на приказ генерала Фролова о предании военно-полевому суду за стачку, рабочие, по призыву ПК, вопреки настояниям меньшевиков, бастовали четвертый день. Как только большевики приняли участие в стачке, она приобрела антивоенный характер.

Лев Иванович Шпергазе переживал вместе со своим классом самое смутное время — время неоправдавшихся надежд. От верноподданических манифестаций, от коленопреклоненных гимнов буржуазия была отрезвлена в тот день, когда тщательно подготовленное открытие Думы для провозглашения единения с царем было запрещено.

«Обожаемый» монарх не только лично не пришел в Думу, но не ответил даже либеральным актом на самоотречение буржуазии.

Тон был дан, и услуги думцев встречались в штыки. Когда Родзянко предложил созвать съезд, чтобы помочь в организации пошивки сапог для фронта, министр внутренних дел ответил ему:

— Я не могу дать вам разрешения на созыв такого съезда — это будет нежелательной и всенародной демонстрацией в том направлении, что в снабжении армии существуют непорядки. Кроме того, я не хочу дать разрешения, так как под видом поставки сапог вы начнете делать революцию.

С этим еще можно было мириться, пока казалось обеспеченным завоевание Константинополя и проливов. Но уже с весны 1915 г. начала меркнуть слава русского оружия. Из Галиции, Прибалтики, с Карпатских гор бежали сотни тысяч солдат, не имея патронов, чтобы отстреливаться от наседающего врага, не имея снарядов, чтобы остановить его. 25 апреля немцы взяли Либаву. 20 мая австрийцы захватили Перемышль. 9 июня — Львов. Польша, Курляндия, Литва, часть Белоруссии сделались добычей победителя. Положение царских армий становилось критическим. Война, в которой было все прошлое и все будущее буржуазии, проигрывалась. Вместо единения с царем, нарастал разлад в собственных рядах.

На конференции кадетов в июле на ряду с лозунгом «Долой бездарное правительство» раздались отдельные голоса за созыв Думы явочным порядком. Чтобы победить это течение левых, Милюков пугал разошедшихся буржуа народным бунтом.

«Бездарное правительство не желает без боя уходить. Что ж получается? Ясно, что требование Государственной Думы должно быть поддержано властным требованием народных масс, другими словами, в защиту ее необходимо революционное выступление... Лица, бросающие подобные лозунги, играют огнем. Они, очевидно, совершенно не учитывают того ужасного напряжения, в каком сейчас находится вся Россия, в ужасной слепоте не видя тех последствий, к каким привело и приводит это направление... Мы, чуткие интеллигенты-наблюдатели, ясно видим, что мы ходим по вулкану. Что характер сохраняемого равновесия таков, что достаточно легкого толчка, чтобы все пришло в колебание и смятение. Вся Россия сейчас — сплошная воспаленная рана: все — боль, все — горе, все — страдание. Достаточно неосторожно брошенной спички, чтобы вспыхнул страшный пожар, и, храни нас бог, увидеть этот пожар. Это не была бы революция, это был бы тот «ужасный русский бунт, бессмысленный, беспощадный»,

который приводил в трепет еще Пушкина. Это была бы новая волна той мути, поднявшейся со дна, которая победила прекрасные ростки революции 1905 г.».

На июльской сессии Думы в политике наметился переход от «патриотического подъема» к «патриотической тревоге». Буржуазия уже требует реформ не после войны, а немедленно, в целях войны... И главное требование — ответственное министерство.

В августе создается единый фронт из всех буржуазных партий. Прогрессивный блок — это уже поворот к активному вмешательству в политику.

Были в среде буржуазии группы, понимавшие, что одним парламентским давлением ничего не добиться. Партия прогрессистов на совещании у Коновалова 16 августа высказалась против поддержки блока как «учреждения, не способного выпрямиться во весь свой рост». Позже, в октябре, представитель левых кадетов пытался повернуть политику всей партии влево:

— Надо итти рука об руку не с теми, кто явно бессилен, — говорил он, — а с теми, кто представляет реальную силу, кто может правительство заставить прислушаться к своим требованиям.

Постепенно растет настроение использовать движение рабочих для воздействия на правительство.

Поднимающаяся вновь стачечная волна все более убеждала Шпергазе, что «мир в промышленности» остался мечтой. Надежды на законы военного времени были биты. Надо было изворачиваться собственными средствами. В полном согласии с новой политикой своего класса, на заседании механической секции заводчиков и фабрикантов 14 августа 1915 г. при большом сочувствии собравшихся Шпергазе раздраженно говорил:

— Факты учат, что как только кто-нибудь вмешивается в наши отношения — тотчас же возникают на заводах волнения. Постороннее вмешательство должно быть прекращено раз навсегда, иначе мы не в состоянии продолжать работу.

Новый курс буржуазии построен с оглядкой на рабочих. Она с завистью смотрит на союзников, которые сумели запрячь в свою колесницу оппортунистическое большинство социалистов и объединить общество в «святом порыве».

В одной из статей левая группа называет виновником

*

стачечной волны правительство. Она находит, что к рабочему классу не были обращены призывы власти, которые будили бы в нем высшие патриотические чувства. Подчеркивая необходимость введения примирительных камер и профсоюзов, статья предлагает:

«Власть должна итти навстречу рабочим, осуществляя через специальное законодательство их требования, изменяя свой взгляд, отвергая в корне недоверие, отбрасывая тактику произвола».

Надежды, возлагаемые на эти мероприятия, обосновывались с полной откровенностью.

«Профессиональное движение есть наиболее решительная гарантия против политического движения рабочих».

Буржуазия не ограничилась стремлением превратить революционное движение в трэд-юнионистское. В мае 1915 г. IX Всероссийский торгово-промышленный съезд признал недостаточными попытки правительства мобилизовать промышленность на войну и постановил создать военно-промышленные комитеты с участием земства, городских союзов и торгово-промышленных организаций.

27 августа «Положение о военно-промышленных комитетах» прошло через Думу и было утверждено царем. Чтобы привлечь рабочих к обороне, Гучков выдвинул проект о

«Неожиданное для немцев единение». *(Рисунок и подпись из журнала «Огонек» 1916 г.)*

рабочих группах при военно-промышленных комитетах. Буржуазия «обволакивает» рабочее движение, стремясь усилить социал-шовинизм, нужный для ведения войны, и реформизм, «обеспечивающий» «мир в промышленности».

В приглашении на выборы уполномоченных задачи рабочих делегатов оговаривались довольно недвусмысленно:

«Участвуя в трудах Центрального военно-промышленного комитета, представители рабочих будут содействовать великому и святому делу помощи нашей армии. Они помогут наилучшему выяснению условий повышения производительности заводского труда и будут содействовать более успешной работе на оборону страны».

На июльском съезде военно-промышленных комитетов была принята резолюция, требовавшая отмены царских ограничений эксплоатации женского и детского труда. Она настаивала и на отмене ограничений в удлинении рабочего времени.

Социал-оборонцы на совещании 15 декабря заявили:

«Нам ясно, зачем создан ВПК. Представители промышленного капитала преследуют три цели: 1) способствовать обороне страны, 2) захватить в свои руки власть и 3) набить свои карманы».

Но это не мешало им ратовать за участие в Военно-промышленном комитете. Политика гвоздевцев немногим отличалась от политики думской фракции меньшевиков, которая сводилась к «поддержанию» и «подталкиванию» прогрессивного блока.

Едва ли на каком-нибудь заводе борьба вокруг выборов в Военно-промышленный комитет приняла такие острые формы, как на «Эриксоне». Это и неудивительно. Тут работал инициатор всей затеи. Этому же способствовал резкий разрыв между разными группами рабочих привилегированного [13] шведского завода, разрыв, создавший и рабочую аристократию и бедняков.

Различие между механиками и чернорабочими, лекальщиками и шнуровщицами, токарями и автоматчиками все углублялось. Снижения расценок теперь не боялись, запрет сдавать больше 100% нормальной выработки был снят, и заработок высококвалифицированных рабочих сильно повысился. До войны за зуммер [14] брали 54 копейки при норме дневной сдачи в 8 штук. Это давало не выше

5 рублей в день. К концу 1914 г. сдавали уже 11 зуммеров, зарабатывая в день 6 рублей, а в 1915 г. — 18 штук, зарабатывая свыше 9 рублей. И несмотря на это, под верстаком у хороших мастеровых лежал обыкновенно двухнедельный запас готовых изделий. Чтобы замаскировать выгодность работы, механики потребовали повышения цены на зуммер. Против ожидания им добавили, и заработок их опять повысился. Жили они не плохо, занимали отдельные квартирки, строили свои домики. Посещали театры, детей посылали учиться в двухклассные школы и даже в гимназии. Такие рабочие в большинстве своем питали оборончество.

На ряду с ними штамповщики, станочники, подсобные рабочие все сильнее испытывали тяжесть дороговизны. На привилегированном «Эриксоне» чернорабочие и женщины зарабатывали 70 копеек в день, штамповщики, сверловщики и прочий малоквалифицированный люд — немногим больше.

Жили они скученно, по углам, детей старались пораньше пристраивать на завод. Чернорабочие не имели возможности обзаводиться семьей. Поселялись они артелями человек по десять-двадцать в одной комнате. Артельная стряпуха готовила им скудный обед.

День отдыха причинял этим людям страдание. Уже в субботу начинались ссоры из-за смен. Каждый старался притти домой, пока его койка не была занята другим. Но так как укороченный день путал часы, то в ночь на воскресенье часто на одну койку приходили два, а то и три хозяина.

Ларечники, пивники, золотари, парикмахеры и выходцы из деревни, которые прятались на заводах от фронта, стояли, разумеется, за оборону.

Возглавляемая Гвоздевым группа имела вес не только у себя в районе, — она приобретала общепитерское значение. ПК, учитывая это, готовил ей отпор, подрывая ее влияние прежде всего на самом заводе.

На пленуме ПК, собравшемся в одном из домов Объездной улицы, были выдвинуты две точки зрения на военно-промышленные комитеты. Первая — использовать кампанию, но от выборов отказаться. Вторая — произвести выборы уполномоченных и, развив всесторонне взгляды партии на войну и военно-промышленные комитеты, голосовать против участия в них.

Маврин был за второе предложение. И когда, после ночи прений, победил этот взгляд, он охотно согласился снова поступить на «Эриксон».

Избирательный Бюллетень.

Предлагаю въ Уполномоченные:

№ по пор.	Раб. №	Фамилія, имя и отчество.	Мастерская.
1	3104	ЖИГАЛОВЪ, Иванъ Фед.	Столярная
2	2893	ТУРМАНОВЪ, Андр. Як.	„
3	2997	ПЛАТОНОВЪ, Василій	„
4	2794	ДОЙНИКОВЪ, Кириллъ	„
5	2727	АЛЕКСѢЕВЪ, Георгій	„
6	777	БАКЕЕВЪ, Алексѣй	Тюпенева
7	768	СЮРТУКОВЪ	„
8	913	МАЛЫШЕВЪ	„
9	760	КОЗЛОВСКІЙ	„
10	1047	ЛОГИНОВЪ	Заборскаго
11	2152	БАНКОВСКІЙ	Михайлова
12	2241	ДЕЙКОВЪ, Яковъ	Автом. Револьв.
13	2599	ЗАХАРОВЪ	„
14	2329	МЕЧНИКОВЪ	„
15	2284	КОЗЛОВА	„
16	1031	ГВОЗДЕВЪ, Кузьма	Яцыневича
17	1039	ТЕПЛИСЪ	„
18	1038	БАБИЧЪ	„
19	525	РУЗАКЪ, Эрнестъ	Конуско
20	539	БѢЛЕНКО, Александръ	Закржевскаго
21	553	АРХИПОВЪ, Герасимъ	„
22	2468	ИВАНОВЪ	Швихтенберга
23	671	МАРКУНЪ, Антонъ	„
24	3334	ЭНОКЪ, Авдѣй	Іогансона I эт.
25	3302	РАТОВЪ, Андрей	„
26	3316	ГРИГОРЬЕВЪ, Михаилъ	„
27	3376	ЕВГРАФЬЕВЪ, Яковъ	„
28	3223	ИВАНОВЪ, Николай	Форсберга (фрезер.)
29	175	ТРУБНИКОВЪ	Установочная
30	1500	ГРИГОРЬЕВЪ, Алексѣй	Штамповочная
31	1538	ТИМОФѢЕВЪ, Петръ	„

Примѣчаніе. Избранію подлежатъ только 30 уполномоченныхъ, поэтому каждый избиратель долженъ вычеркнуть не менѣе одного нежелательнаго [illegible]

Администрация разослала рабочим отпечатанные заранее списки

Явно увлекаясь, Маврин целиком одобрял и ошибочное добавление Залежского, что «в случае большого подъема революционного движения, уполномоченные должны стараться стянуть вопрос о выборах и объявить себя Советом рабочих депутатов».

Бросать лозунг создания Советов рабочих депутатов в условиях, когда революционный кризис в стране еще не назрел, было явной ошибкой.

«Советы рабочих депутатов и т. п. учреждения, — писал Ленин в годы войны, — должны рассматриваться, как органы революционной власти. Лишь в связи с развитием массовой политической стачки и в связи с восстанием по мере его подготовки, развития, успеха, могут принести прочную пользу эти учреждения».

На «Эриксоне» борьба была уже в разгаре. Ильин [15] получил приглашение от Гучкова явиться на совещание членов Государственной Думы с рабочими представителями страховых советов. В обществе думцев он застал Воробьева и некоторых других страховиков. Рабочих было человек пять, думцев вдвое больше.

Гучков информировал об организации военно-промышленных комитетов, их задачах и предложил собравшимся страховикам образовать в них рабочую группу.

Переглянувшись с товарищами, Ильин сделал отвод предложению думцев, указывая, что рабочие уполномочивали их работать в страховом движении, а не в военно-промышленных комитетах.

— Лично я, — закончил Ильин, — сомневаюсь, нужны ли мы там. Вы хотите вовлечением рабочих в комитеты создать видимость, что рабочий с вами, за войну. Петроградский пролетариат поймет эту уловку и на нее не пойдет.

Коновалов и Гучков употребили все свое красноречие, чтобы переубедить страховиков. Ильин предложил:

— Хотите проверить отношение рабочих к этой затее, созывайте собрания по заводам.

Первая неудача не обезоружила гучковцев. Из донесений охранки видно, как хорошо знали в верхах о настроении на заводах. Во всех докладах подчеркивалась борьба «умеренных» элементов внутри социал-демократии, ратующих за защиту отечества, с «злонамеренными» пораженцами. Не имея другого выхода, гучковцы решили опереться на эти «умеренные» элементы, чтобы добиться своего.

За несколько часов до начала выборов на «Эриксоне» Ильину передали, что меньшевики выставляют кандидатуры и в обсуждении их участвует администрация. И уже через час стало известно, что администрация разослала в конвертах рабочим отпечатанные заранее в типографии списки. Механика выборов была очень проста: в избирательном бюллетене значился тридцать один кандидат в уполномоченные. Одного надо было зачеркнуть — тридцать оставить. Выбор был невелик. Голоса служащих были заочно переданы оборонцам.

В третьем этаже вновь строящегося корпуса толпился народ. Станков еще не было, и администрация, подчеркивая свое благоволение к выборам, услужливо расставила скамейки, соорудила трибуну. Шпергазе распорядился дать звонок раньше на полчаса, чтобы все явились на собрание.

Гвоздев шел на собрание спокойно. Его противники не могли нащупать того контакта с массой, который ему временами удавался. По многочисленным разговорам в обеденные перерывы, в курилках, в уборных можно было

ожидать, что рабочие выскажутся за военно-промышленные комитеты.

Притаившись у ворот, Величко помогал охране вылавливать посторонних. Ему была знакома тактика партии посылать агитаторов на чужие заводы, где их не знали.

Заведующий хотел задержать Маврина, но, увидев расчетную книжку «Эриксон», смущенно посторонился.

После упорной борьбы с некоторыми товарищами, отказывавшимися от участия в выборах, ячейка приняла решение использовать представившуюся возможность выступить перед рабочими.

Собрание началось со споров. Гвоздев и Бакеев заняли места в президиуме.

Оборонцы имели все основания не бояться своих противников, которые, казалось, никого не могли противопоставить такому авторитетному кандидату, как Гвоздев, бывшему председателю союза металлистов, бывшему политэмигранту.

Если до войны между уживавшимися под одной вывеской «с.-д.» двумя враждебными партиями практиковались еще иногда на местах совместные выступления и поддерживались личные хорошие отношения, то теперь партии так далеко разошлись, что боролись со всей беспощадностью врагов. В ответ на немилосердную, жестокую критику оборонцы не останавливались перед опорочиванием своих противников.

Самым опасным меньшевики считали Никифора Ильина. В курилках, на площадках, в цехах он разоблачал оборонцев спокойный, твердый, уверенный. Чтобы дискредитировать его, они говорили, что он храбрец только у своих тисков, никогда не выступает, боится ареста.

Никифор Ильин действительно не выступал на летучках и митингах. Из выбранных в марте 1914 г. в страховой совет 15 человек к январю 1915 г. осталось всего лишь четверо, и среди них был Ильин. Своей осторожной, четкой тактикой он, выполняя указания партии, берег себя как представителя своего класса во всероссийском учреждении, находившемся под неусыпным наблюдением охранки. В губернском страховом присутствии из 6 человек скоро не осталось ни одного. Все это отлично знали оборонцы, как знали они и то, что только путем дискредитации можно было им еще удерживать свои позиции.

Маврина никак нельзя было обвинить в трусости. И по этажам поползли слухи, что он неспроста так открыто и вызывающе держит себя. На эриксоновского большевика пытались набросить тень провокатора.

Обычная осторожность не оставляла Гвоздева. Оглашая повестку дня, он вдруг переменил порядок и предложил раньше выбирать, а потом выработать наказ.

Это могло дать оборонцам перевес. Такие фигуры, как Гвоздев, Нечаев, были заметны. Рабочие привыкли видеть в них ходатаев перед начальством, да и дела свои они умели прикрывать социалистической фразеологией. Внося свое предложение, гвоздевцы видимо учли, что в принципиальном споре, в открытом бою большевики могли добиться успеха.

Ильин попробовал провалить предложение оборонцев.

Но Гвоздев крепко держал вожжи. Не давая разгораться страстям, он проголосовал. Приняли предложенный им порядок. Рабочие не понимали сущности спора, порядок собрания они считали пустяком, и большинство не поддержало Ильина.

В Истпарте ЦК сохранился отчет о выборах на «Эриксоне»:

«На выборах в Военно-промышленный комитет у нас на заводе происходила ожесточенная борьба между «социал-патриотами», с одной стороны, и «пораженцами» — с другой. «Пораженцы» доказывали, что не следует выдавать вексель правительству на ведение мировой бойни за интересы, чуждые рабочему классу, и тем самым стереть со знамени социализма некоторые лозунги. Ораторы «пораженцев» говорили о задавленности русского трудового народа, его рабском положении, бесконтрольном хозяйничаньи правительства богатствами и финансами страны, об обнаглевшем беззастенчивом обирании трудовых масс не только верхами, но и самым последним лавочником.

Было видно, что большинство рабочих сочувственно относилось к выступлениям «пораженцев».

Выступили социал-патриоты во главе с Гвоздевым; не опровергая сказанного большевиками, они прибавляли, что все-таки поколотить немцев нужно в целях избавления отечественной промышленности от засилья немцев, а для этого мы должны, в виду нашей дезорганизованности, итти в Военно-промышленный комитет, объединиться с буржуазией, напрячь все силы, дать армии все необходимое, поколотить

германцев и после всего этого повернуть штыки и потребовать от правительства хотя бы даже буржуазной республики. Все же, говорят, лучше современного строя.

Большевиков называли утопистами, горячими головами по отношению к демократической республике. А главным образом пассивную рабочую массу увлекли они приманкой контролирования правительственного распределения заказов при ознакомлении с делами обороны страны, увлекли всероссийским съездом рабочих делегатов».

На этом собрании выступил Гвоздев. Он поразил эриксоновцев ученостью, обрушив на их голову груду цитат. Жонглируя высказываниями Маркса и Энгельса об обороне отечества в войнах за национальное освобождение, он затушевывал империалистический характер данной войны. Потрясая томом Маркса, он навис над собранием. И добился своего.

Силы были явно не равны. Гвоздев не давал опомниться:

— Выдвигайте кандидатуры.

Его сподвижники дружно крикнули:

— Кузьму Антоныча.

— Семенова...

— Бакеева...

Пораженцы предлагали:

— Ильина...

— Маврина...

Большевики стягивались к трибуне. Обычно рассыпавшись между собравшимися, они использовали создающиеся в толпе настроения. Теперь же, окружив трибуну, поднимали на руки своих ораторов, бросали реплики противникам, разоблачали их.

Голосовали кандидатуру Гвоздева. Он как истый „демократ“ отвернулся. Бакеев считал. Вместе с голосами служащих — девятьсот девяносто три...

Эсер Семенов получил 963, Бакеев — 962, Ильин и Маврин не собрали и по 600.

Гвоздев, упоенный победой, перешел ко второму вопросу.

Но тут началось непонятное. Когда Володин стал обосновывать оборонческую платформу, раздался свист. Это, конечно, исходило от большевиков, и этим Володина не запугаешь. И он продолжал орать:

— Комитет, комитет!.. Да ну его к дьяволу вместе

с Гучковым. Нам нужны возможности, которые он дает. Не добьемся, тогда кройте. Но только тогда.

— Долой!.. К чорту!..

На трибуну вырвался Маврин.

— Товарищи! Куда вас хотят затащить? С кем посадить рядком? Наш наказ — восьмичасовой рабочий день, республика, а собрание выборщиков объявить Советом рабочих депутатов. Изменники протягивают руку кровавому царю и его псам...

У трибуны показался пристав. Маврин нырнул в толпу и оттуда крикнул:

— Долой кровавого Николая! Долой кровавого Вильгельма и Франца-Иосифа!

Гвоздев нервничал.

Что происходит с собранием? Куда девалась выдержка, организованность?

Кругом бурлило, как в кипящем котле. Когда большевики агитировали против военно-промышленных комитетов, многие сомневались:

Протокол выборов в Военно-промышленный комитет на заводе «Эриксон»

— Не послать ли? Может, что и выйдет?

Но когда дошло до наказа, те же самые люди кричали:

— Войну кончать... так и пишите...

Гвоздев звонил в колокольчик. Гвоздев успокаивал людей, простирая к ним руки, как артист. Гвоздев надрывался до хрипоты.

— Демагогия! Поражение России отразится в первую очередь на самих рабочих. Если буржуазия победит одна, она будет исходить лишь из своих эгоистических стремлений. Необходимо, чтобы в решительную минуту налицо были и мы.

Он добился тишины. И обиженно, переходя все больше к страстному тону проповедника, кричал:

— Мы распылены! Нас душат рамки подполья, куда мы загнаны как крысы. Мы идем, облеченные вашим доверием, в военно-промышленные комитеты, чтобы устанавливать контроль над военной промышленностью, чтобы не дать нашим товарищам на фронте умереть безоружными перед сильным врагом. Мы поступаем, как социалисты всех стран. Только демагоги затушевывают, что комитеты послужат нам для связи с рабочими других заводов. Мы будем в них добиваться Всероссийского рабочего съезда.

К трибуне протискался член Петербургского комитета Толмачев, присланный для подкрепления эриксоновцам.

— Красивые фразы слыхали мы от Гвоздева и его приятелей, — начал он. — Опять старые песни о легальности. Из кожи лезут, чтобы спеться с Милюковым и Гучковым. Рабочий класс сам добьется рабочего съезда. Меньшевики затеяли новую игру, чтобы помочь буржуазии. Шесть великих держав награбили колоний в два с половиной раза больше всей Европы. Больше полумиллиарда людей стонут под их пятой, а нам толкуют об оборонительных войнах. Кровавый царизм...

Заметив пристава, Толмачев не закончил речи и утонул в подхватившей его толпе.

На трибуну взошел Ильин. Белесый и тщедушный, он, казалось, будет не в силах усмирить расходившиеся страсти. Что рядом с эффектной фигурой Гвоздева невзрачный Ильин? Но не даром про него Луцук говорил:

— Кряхтун, больной, не агитатор, но хребет у него крепкий. Бывало, меньшевики бьют, трудно, а Ильин выступит — наша берет.

— Кузьма Антоныч хотел удивить нас Марксом, — тихо

Н. И. Ильин

начал Ильин. — И действительно удивил. Старый эсдек, без пяти минут вождь, и в марксизме ни в зуб ногой...

В зале притихли.

— Маркс писал еще в Коммунистическом манифесте, что у пролетариата нет отечества. Вам хотят втереть очки. Бывают, конечно, оборонительные войны: вот если бы против Англии восстала Индия. Таких примеров и у нас под боком сколько хочешь...

— Две империалистические клики дерутся за передел мира, а социал-патриоты вопят об оборонительной войне, наперекор постановлениям всех социалистических конгрессов. Главный враг каждого народа — в его собственной стране.

Он быстро сошел с трибуны, а взъерошенный Гвоздев растерянно смотрел ему вслед.

«Мы боялись за своих вождей, — вспоминает Панцырный, — старались их оттащить. Расходившийся Кузьма

Антоныч был очень эффектен: в котелке меньшевистского типа, рыжий, в сером пальто, красиво одетый, представительный, ну в точности, как меньшевиков изображают за границей».

Красноречие Гвоздеву не помогало. В зале стоял стон.

— Голосовать...

— Война войне...

Большевистский наказ собрал большинство.

Володин, Бакеев, Гвоздев пошептались и решили:

— Переголосовать...

— Кто за наш наказ, пусть идет к правой стене, кто против — к левой.

Сотни ног затопали влево. Большинство, прочное, несомненное большинство, подпирало левую стенку.

Меньшевики уходили с собрания. Последовательные «демократы» не хотели подчиниться народу.

Но народ не терпел неподчинения. Маврину было поручено потребовать, чтобы Гвоздев огласил в Военно-промышленном комитете принятый собранием наказ. Больше решить ничего не успели. Полиция не допускала собраний без «демократов», и оставшихся разогнали.

Гвоздевцы отказались от предложения Маврина. Об этом нужно было довести до сведения рабочих.

На другой день при выходе с завода пораженцы стали цепью у ворот. Образовалась пробка. Маврина подняли на руки.

— Они игнорируют волю народа, они хотят узурпировать его права, — отрывисто бросал большевик в толпу.

Меньшевики пытались отстоять своих вождей. Но возмущение было всеобщим.

— Переизбрать... — катилось из конца в конец.

— Маврина...

— Маврина! — как боевой клич подхватили сплотившиеся у трибуны большевики.

— Маврина! — дружно отозвались задние ряды.

— Снять полномочия с Гвоздева...

— Долой узурпаторов...

В Соляном городке 27 сентября собрались уполномоченные от рабочих в Центральный военно-промышленный комитет.

Опасливо оглядывая друг друга, каждый делегат пытался угадать: друг, враг? Богдатьев, посланный ПК с мандатом

путиловца Кудряшова, успел до начала собрать 60 уполномоченных и организовать большевистское ядро. Всего ожидалось 220 человек. Неизвестно было, за кем останется большинство. Одно было несомненно: выступать избранникам рабочих с антивоенными речами — значило неминуемо попасть в тюрьму: адреса и фамилии присутствующих были зарегистрированы.

Всю тяжесть дискуссии возложили на Богдатьева и другого члена Петербургского комитета, Залежского, у которого был мандат т. Дикова.

«Я, — пишет Залежский, — сошел за т. Дикова вполне благополучно, не возбудив никакого сомнения в своей самоличности со стороны стоявших на контроле у входа Гвоздева и К-о. Товарищ же Богдатьев всей своей наружностью типичного интеллигента определенно бросался в глаза. Однако... упоенные своим численным перевесом, социал-патриоты сознательно закрыли глаза на то, что Кудряшов не самоличен. Я сам слыхал, как среди демократов, с любопытством посматривавших на фигуру т. Богдатьева, говорили: «Сам ПК большевиков послал своего оратора». Уверенные в победе, социал-шовинисты хотели сыграть в благородство».

Председателем был избран Гвоздев. Пораженцев охватило состояние людей, решивших драться до последнего.

Маврин задержался на заводе и несколько опоздал. Его встретили сурово и подозрительно. Мандатная комиссия с назойливой тщательностью проверяла его документы. После длительного совещания его полномочий не признали.

Лишенный мандата, Маврин направился в зал, чтобы довести до собравшихся постановление эриксоновцев. Гость не имел права выступать, но Маврин просил, чтобы его выслушали. Председатель слова не давал. Тогда, вынув лист бумаги, Маврин закричал:

— Меня уполномочили четыре тысячи рабочих сделать заявление.

— В письменном виде, — невозмутимо осадил его Гвоздев. — Кто за? Большинство...

Он был спокоен. Его позиция была достаточно известна. 128 против 70 голосовали за него.

Он старался держаться непринужденно. Предоставляя слово лишь представителям отдельных течений, Гвоздев

давал высказываться преимущественно своим товарищам, потому что, сходясь во взглядах на оборону страны и установление «мира в промышленности», меньшевики разбились на множество группочек, из которых каждая принимала участие в военно-промышленных комитетах с кучей всяких оговорок.

Пораженцы заявили о своем отказе итти в военно-промышленные комитеты Гучкова — Милюкова. Прения подошли к концу. Голосовали предложение большевиков. Запоздавшие уполномоченные дальних заводов и речи членов ПК поколебали болото и дали пораженческое большинство.

Оборонцы растерялись. Они провели громадную кампанию, они блокировались с народническими группами, с беспартийными. Наконец это их затея.

Меньшевики, озадаченные провалом, покинули зал.

«Потребовали ухода Гвоздева как своего представителя в президиуме, — читаем мы в № 50 «Социал-демократа», — но он отказался, заявив, что голосование, проверенное всеми способами, вполне законно и он не находит основания к уходу с собрания».

Гвоздев остался. Одолела ли его законность или он боялся разоблачения и скандала? Но только он не покинул председательского кресла, когда пораженцы зачитывали резолюцию:

«Переживаемая нами война, принесшая столько бедствий... опустошившая и разрушившая целые страны, унесшая и разбившая тысячи и тысячи рабочих жизней, — означает один из величайших переломов в истории человечества. Производительные силы буржуазного общества переросли узкие рамки современных национальных государств.

...Кто первый напал в этой войне, кто ловким и более сильным победителем окажется в ней, вопрос несущественный. Лозунг «защиты отечества, свободы, культуры, национальных интересов, права, морали» и т. д., выдвинутый буржуазией воюющих стран и поддержанный оппортунистами в среде рабочего класса и некоторыми его, изменившими социалистическому знамени, вождями, есть лишь прикрытие хищнических притязаний правящих классов, при помощи которых рабочий класс превращается в слепое орудие их империалистических интересов...

...Интернациональная пролетарская классовая борьба —

против интернационального империалистического истребления народов.

...На завоевание власти путем гражданской войны должны быть направлены все усилия пролетариата. Лозунг «Долой войну» пролетариат должен осмыслить и углубить кличем «Да здравствует социальная революция».

...В уничтожении царской монархии и ее социальной основы заинтересован не только пролетариат, но и крестьянство. Пролетариат обращается с призывом поддержать его борьбу с царским правительством. Пролетариат зовет к созданию временного правительства, после низвержения самодержавия, для созыва Всероссийского учредительного собрания.

Исходя из этой позиции:

1. Очевидно, речи не может быть об участии представителей рабочих в ЦВПК.

2. Подобное участие было бы фальсификацией воли пролетариата, изменой его революционному интернационалистическому знамени.

3. Поэтому рабочие уполномоченные должны громогласно заявить об отказе участвовать в каких бы то ни было «учреждениях, способствующих войне».

Гвоздевская затея кончилась. Оборонцы приуныли. Даже либералы махнули на них рукой, а большевики считали дело настолько выигранным, что Маврин не огласил резолюции эриксоновцев, чтобы не задерживать и без того затянувшееся собрание.

Не успокоился только Гвоздев. Его не покидало стремление к государственной деятельности. Для него военно-промышленные комитеты означали поднятие русского рабочего движения на европейский уровень, переключение на широкую легальную, «настоящую» работу. По его разумению, это был единственный выход из того положения, в котором очутилась русская социал-демократия, выход, на который пошли вожди социалистических партий Германии, Франции, Англии.

К Гвоздеву в военно-морской отдел часто заходил после работы Брейдо с «Нового Лесснера», и они подолгу о чем-то совещались. Вскоре распространился слух, что Кузьму Антоныча видели у Гучкова в передних министерства. Начались недоброжелательные суждения:

— Другой выступит раз, второй, — его за конверт и в кружку. А он...

Гвоздев мучительно искал выхода. И скоро нашел его: В «Рабочем утре» появилось письмо, в котором председатель рабочей группы заявлял о злоупотреблениях при выборах на «Путиловце», откуда по мандату Кудряшова «проникло постороннее лицо». Это давало ему право требовать перевыборов и вторичного созыва уполномоченных.

Охранка живо воспользовалась этим письмом. Лже-Кудряшов — Богдатьев был немедленно арестован. Прошла новая полоса облав, основательно почистившая ряды противников Гвоздева.

Хотя либеральные друзья Кузьмы Антоныча скептически относились к новому собранию уполномоченных, они все же согласились вновь попытать счастья.

И вот случилось, что большевик Мансырев бросил ему во всеуслышание:

— Провокатор...

Кровь ударила в голову. Гвоздев тяжело двинулся на обидчика, но сдержался. Не хотелось ему, бывшему и будущему председателю рабочих групп, повторять бакеевскую историю.

Он потребовал товарищеского суда.

В цехах одни осуждали Мансырева, другие хвалили. Каждая сторона выделила своих представителей в судилище. Председательствовал меньшевик Васильев-Копченый.

Гвоздев решил проучить «обидчика». Он ждал, что Мансырев будет отказываться, вилять. Но тот смело и задорно в присутствии судей заявил:

— Если Гвоздев оглашает, что под путиловским Кудряшовым крылся другой, и того арестовывают, — он выступает как провокатор.

Гвоздев хотел добиться осуждения Мансырева для сохранения своего престижа, чувствуя, что в рядах его единомышленников начался разброд. Наиболее чуткие из них к настроениям рабочих стали понимать, что борьба вокруг военно-промышленных комитетов приобретает нехороший привкус.

Гвоздева не решились поддержать. Возмущенный он ушел. Ушел продолжать свое дело, не уполномоченный рабочими, с подмоченной репутацией, с несмытым клеймом.

Неприятности щедро липли к оборонцам. Полупобеда на выборах в военно-промышленные комитеты была последней. Ее сменили шатания, разброд, грызня с единомышленниками;

среди своих сторонников Гвоздев нашел много фракций, групп, мнений, оттеночков.

В победе военно-промышленных комитетов он не сомневался. Его либеральные покровители достаточно почистили ряды противников, чтобы обеспечить успех своему детищу. Одновременно, будучи связан с заводом, Гвоздев не мог не чувствовать, что эта победа — поражение. Если уж и на «Эриксоне» масса отшатнулась от оборонцев... А партийные друзья? Они ведут себя робко, точно сами считают свое дело неправым.

Принятие пораженческого наказа было первой крупной победой большевиков с начала войны, а выборы Гвоздева были последней удачей меньшевиков. Об этом свидетельствуют и Маврин, и Антюхин, и Ильин. Даже Семенов и Величко говорят о падении к этому времени меньшевистского влияния.

Останавливаясь на роли выборов в военно-промышленные комитеты, Владимир Ильич писал:

«Впервые за время войны и только эти выборы притянули действительно массы пролетариев к обсуждению и решению основных вопросов современной политики, показали нам настоящую картину того, что есть в социал-демократии как массовой партии. Оказалось, что есть два, всего только два течения: одно — революционное, интернационалистическое, действительно пролетарское, организованное нашей партией, оно было против обороны; другое «оборонческое», или социал-шовинистическое, было блоком «нашедельцев» (т. е. главного ядра ликвидаторов), плехановцев, народников и беспартийных, при чем весь этот блок поддерживала вся буржуазная печать и все черносотенцы в России, доказав тем буржуазную, а не пролетарскую сущность политики этого блока».

ВОЙНА — ВОЙНЕ

За полтора года колесо истории повернулось на столько что рабочее движение, обогащенное опытом войны снова оказалось на уровне годов подъема.

Тысяча девятьсот пятнадцатый год возобновил напор первой половины четырнадцатого, шестнадцатый год был продолжением и углублением пятнадцатого.

Поражение гвоздевцев при выборах в Военно-промышленный комитет не было случайным.

На заводах поднималась новая волна рабочего движения. Столкновения носили упорный характер. Оборонцы действовали легально и бороться с ними было трудно.

Они затеяли 5 декабря 1915 г. сбор на табачок фронту. Рабочие не проявили особой щедрости. Тогда благотворители решили организовать регулярные отчисления семьям солдат. Большевики выдвинули контр-предложение об отчислении политическим ссыльным. Созвали собрание.

«Никого из вождей не было, — вспоминает Луцук, — а провалиться нам было бы очень стыдно. Совсем исколотили нас меньшевики, и рабочие склонялись отчислить. Вдруг Антюхин откуда-то примчался, послушал с краю и кричит:

— Стой, стой, чего вы... — и поднял шум».

Колебались уже и многие оборонцы. Эсер Шашлов выступил на этом собрании против своих вождей.

— Разве нас спрашивали, когда затевали войну? — резонно спросил он. — Разве мы виноваты, что остались вдовы и сироты?

Другой поддержал его:

— Рассказывают, мельник хотел остановить воду, бросая

горсти земли в прорвавшуюся плотину. Мы будем такими же чудаками, если поверим, что морю народного бедствия можно помочь нашими грошами.

— Кто будет распределять деньги? — говорил Антюхин. — Кто поручится, что крохи эти попадут сиротам наших товарищей? Не дадим повода думать, что мы — за войну.

В охранку покатилось донесение:

«Ораторы, говоря о борьбе с бедствиями, вызванными войной, намекали на необходимость бороться за ее прекращение.

Полиция смелых останавливала...

Рабочие вынесли заранее приготовленную антипатриотическую резолюцию».

Это был уже закат гвоздевщины. И чем больше ощущался он, тем больше беспокойства и нервозности проявляли охранители порядка. Это сквозит и в той тревожной переписке, которой обменивались они перед наступавшим 9 января.

Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в столице докладывало:

«Его превосходительству господину помощнику военного министра, генерал-лейтенанту Лукомскому.

Имею честь донести вашему превосходительству, что на телефонной фабрике «Эриксон и К-о», где работает 3500 человек, в то время, когда рабочие столпились у выходов, выступили ораторы, призывавшие присутствующих явиться 9 сего января на завод и, не приступая к работе, выходить массами на улицу, не боясь пролить кровь, как не боялись их товарищи, павшие за них 9 января 1905 года».

Пристав сообщал градоначальнику:

«В забастовке 9 января наиболее активным был 2-й участок и в частности телефонная фабрика «Эриксон».

Что же происходило на заводе? Что могло так встревожить полицию? Может, как иной раз бывало, меньшевики под влиянием масс делали левый зигзаг в сторону классовой борьбы?

Донесение охранки от 8 января рассеивает такие предположения:

«В то время как меньшевики и инициативная группа социал-демократов-ликвидаторов решили воздержаться от всяких выступлений, даже хотя бы в виде однодневной забастовки, большевики стояли на крайней точке зрения».

Охранка высоко расценивала влияние большевиков и с опаской готовилась к 9 января. Тревога охранников дохо-

дила до того, что они ждали вооруженного выступления и баррикад, говорили о надежде инициаторов забастовки на присоединение войск и начале второй революции.

Маврин рассказывает об этих днях:

«Через финляндский комитет РСДРП удалось получить оружие, и на заводе спешно организовалась рабочая дружина. Настроение было настолько приподнятое, рабочие стали так легки на подъем, что мне казалось своевременным итти на вооруженное восстание. С обычной горячностью я поставил этот вопрос на заседании райкома.

Дисциплина была тогда нисколько не меньше, чем теперь. Устроить вооруженную демонстрацию — значило спровоцировать революцию. Эту идею я горячо отстаивал, говоря, что ждать нельзя. Нас, конечно, встретят полицейские, будут залпы, мы будем стрелять, чтобы их рассеять; они пустятся в бегство, и тут можно будет кое-что учинить. Некоторые относились к этой идее сочувственно, но большинство назвало ее сумасбродной, и мне запретили выступать».

Провокация глубоко пустила свои щупальцы. Старательно осведомляли правящих о положении вещей.

До охранки, видимо, дошли предложения члена райкома, находившегося под особым ее наблюдением. Это произвело немалый переполох.

Начались аресты. Многих Величко откровенно предупреждал, что если они не прекратят преступной агитации, он вынужден будет обратиться к полиции. Настроение стало еще напряженней. На собраниях, которые так встревожили полицию, 3500 рабочих намечали подробности выступления 9 января.

Чтобы сорвать принятое открытым голосованием 3500 рабочих постановление о стачке, оборонцы повели агитацию за новое собрание, где все должно было решиться по всем правилам демократии тайной баллотировкой. Рабочие в большинстве на это собрание не явились, считая вопрос решенным. Но 900 человек все же присутствовали, 600 из них оказались оборонцами. Укрытые «тайной», они бесстрашно поддержали Гвоздева. Теперь у оборонцев был вполне «законный» повод не бастовать.

«Утром 9-го, — писал «Социал-демократ», — в обычный час рабочие пришли на работу, но главные кадры плохо оплачиваемых рабочих — прессовщики, кузнецы, штампов-

щики, столяры, женщины и чернорабочие — к работам не приступили. Все ждали выхода «передовых» — механиков, токарей и т. д., работающих в третьем этаже. Теперь там зарабатывают 8—10 рублей в день, большинство из них «гвоздевцы». Узнав, что механики работают, сторонники стачки отправили к ним депутацию с предложением присоединиться. На это ликвидаторы ответили, что, согласно «тайному» голосованию, «большинство» высказалось против стачки, а поэтому они и работают. Этот ответ глубоко возмутил рабочих и работниц, считавших, что постановление общего собрания рабочих имеет больше силы, чем «тайное» соглашение людей с хорошими заработками. Рабочие решили их «снять». В первую голову направились женщины, но их уговоры не возымели действия. Тогда решили применить силу.

Ликвидаторы решили «дать отпор» и осыпали вошедших ключами и гайками. Из числа «снимавших» было серьезно ранено человек пять, в том числе одной женщине рассекли голову.

В несколько минут весь этаж был очищен. Было поломано много ценных аппаратов. Из числа штрейкбрехеров получили ушибы трое, в том числе «сам Гвоздев» жаловался на боль в боку от удара табуреткой».

Опасения охранки были основательны.

40 тысяч рабочих вышли из заводов Выборгской стороны, 100 тысяч — по всему Питеру.

10-го по цехам распространялась напечатанная на машинке листовка гвоздевцев против «варварских приемов борьбы» и «попустительства» рабочих. 600 сторонников обороны не переставали весь день возмущаться и вздыхать. Они требовали осуждения «демагогов», нарушивших волю «тайного» собрания.

18 января устроили сходку обеих смен.

«Трехтысячная толпа не давала ликвидаторам говорить, — читаем мы в «Социал-демократе», — и лишь на усиленную просьбу наших сторонников решили их выслушать.

Социал-демократическим коллективом этого завода написано обращение ко всем петербургским рабочим, с изложением позиции ликвидаторства в вопросе о войне, ведущей к раскалыванию рабочей массы, взаимной борьбе между ними в угоду эксплоататорам. В заключение предлагается про-

ведение бойкота активных гвоздевцев, доносчиков и штрейкбрехеров».

Телефонный завод давал оборонцам окончательный бой.

Еще в прошлом году Гвоздев помешал сбору средств для Таежного, вынужденного скрываться после сентябрьской стачки.

— Он дезертир, а мы не можем покровительствовать дезертиру, срывающему оборону.

Таежному сбора не устроили, хотя это и противоречило всем правилам взаимопомощи, установленным на заводах. Так силен был авторитет Гвоздева.

А теперь?

В умывальной он как-то одернул горячившегося Лупука:

— Молод рассуждать!

И тот, совсем еще мальчик, бросил:

— Мало ли старых, которых гнать надо из рабочего движения.

Намек был настолько обиден, что Кузьма Антоныч побагровел, хотел оттаскать Лупука за вихры, но эсер Шашлов вступился, оттолкнув Гвоздева.

Единственным утешением вытесняемых оборонцев явилась кооперация. По свидетельству Ильина, на Выборгской стороне среди большевиков были сильны настроения не участвовать в устройстве лавочек и столовок. Этим воспользовались гвоздевцы, сцепившиеся с Обществом заводчиков за преобладание в кооперации.

На организационном собрании, когда Нобелевский зал наполнился, один из вождей общества Бачманов занял председательское место. Раздались крики: «Долой!» Рабочие потребовали избрания председателя. Выбрали Гвоздева, и обиженный фабрикант демонстративно ушел с кучкой консервативно настроенных нобелевцев (впоследствии он открыл свою лавочку на углу Оренбургской и Финляндского).

Меньшевикам работа в кооперации понравилась куда больше, чем в стачкомах. Они облюбовали магазины: на Выборгской угол Лесного и у Пяти Углов за Металлическим заводом. Но и тут досаждали им те немногие пораженцы, что пошли в кооперацию. Лавочка, так лавочка, — продавай крупу и сарпинку. Но в ревизионной комиссии — Жуков, а в правлении — близкие большевикам рабочие. И скоро

кооперация стала использоваться для встреч, для агитации, для хранения литературы.

— Будем приторговывать мучкой, но используем легальную организацию для подпольной работы, — упрямо твердили пораженцы.

О партийной борьбе этого времени одинаково рассказывают все эриксоновские большевики. Влияние оборонцев падало все больше, и, не помышляя уже о руководящей роли, они, кляня раскольников, начинали вопить об единстве, чтобы удержать свои позиции. Гвоздевщина и плехановщина становились бранными словами.

Зашевелились объединенцы. К ним примыкали, кроме Бакеева, Трифонов, будущий адъютант Гвоздева, и другие.

— Роль объединенцев сводилась к тому, — говорит о них Ильин, — чтобы уговаривать большевиков сблизиться с меньшевиками и выработать план единых действий. С их точки зрения программа имела второстепенное значение. Нужно очередные вопросы обсуждать конкретно и на них договариваться. Был ли это трюк или наивность — не понять, но мы всегда выдвигали программные вопросы, а они их хоронили.

Работа объединенцев находила отзвуки и среди большевиков. На одном большевистском собрании, когда обсуждалось взаимоотношение с другими партиями, были выступления за объединенные действия. Мотивировались они необходимостью использовать все революционные силы.

«В теории мы все хромали, — признается Лупук, — только Ильин был сильно подкован. Он был глубоко принципиален. Другой горячится, вот-вот схватит и свернет. Я и много середняков из молодежи горели энтузиазмом и тоже готовы были все пушить. Но надо действовать продуманно. Так делал Ильин. Бывало, выступит крикун, его перешуметь невозможно. Завязывалась отчаянная борьба. Меньшевики и эсеры объектом своего воздействия выбирали слабых. Таскали их по лестницам, обрабатывали, а те потом пороли чепуху».

Как-то на партийном собрании один примиренец выступил против Ильина, обвиняя его в срыве совместной борьбы. Он доказывал, что ячейка недооценивает отдельных личностей, в частности Гвоздева, и что можно было бы наладить совместные действия, если бы не Ильин, у которого, может, личные счеты с Кузьмой.

О Гвоздеве споры возникали часто. Им козыряли меньшевики, и на его «недооценке» играли объединенцы. Очень трудно было им втолковать, что «теоретические» знания и «авторитет» — ничто по сравнению с той предательской линией, какую ведет Гвоздев.

Ильин пользовался авторитетом и стал фигурой, вокруг которой сплачивалась организация...

Оборонцы надеялись на реванш в страховом движении и усиленно готовились к перевыборам. По больничным кассам Шаляпин рассылал билеты на бесплатные спектакли рабочим, чтобы сгладить впечатление от своего верноподданнического падения на колени в опере «Жизнь за царя» при появлении Николая.

Получив билеты на «Бориса Годунова», один из большевиков, не посоветовавшись с товарищами, раздавал их. Гораздо менее взыскательные, чем большевики, к действиям Шаляпина, оборонцы тем свирепее придрались к этому проступку. На первом же собрании уполномоченных больничных касс они поставили вопрос о выводе пораженца из правления. Торжествуя, что они могут выступить перед массой в «революционных» ролях, меньшевики нажимали во-всю.

Большевики не одобряли своего товарища. Многие впервые услыхали о случившемся и не могли скрыть свою растерянность при виде того, как ловко используют враги его оплошность.

Слово взял Ильин. Он попробовал отстоять большевистского представителя в больничной кассе, не защищая его по существу.

— Не тут место говорить об этом, — доказывал он. — Мы обсудим это поведение, но не вместе с меньшевиками.

Партийная организация решила использовать спектакль для отповеди Шаляпину. Председатель больничной кассы завода «Сименс» преподнес артисту письмо, где давалась должная оценка его благотворительности. Группа эриксоновской молодежи послала Шаляпину вместо цветов красные наколенники. «Красные потому, — говорит Таежный, — что он топтал красное знамя».

Оборонцы не успокоились и повели агитацию среди беспартийных. Завербовав часть из них угрозой ухода из больничных касс, они созвали вторично собрание уполномоченных и добились своего.

Это заставило ячейку обратить особое внимание на больничную кассу. С самого ее возникновения меньшевики имели в ней прочное большинство и оттуда вели свои атаки.

Обычно столкновения шли вокруг освобожденных секретарей. Стоило большевикам провести своего работника, как вмешивался Величко. Обязанности жандарма он исполнял любовно. Как то он вызвал к себе секретаря кассы большевика Моторина. Товарищи советовали Моторину не итти. Но тот и не предполагал, что его могут арестовать на заводе, и отправился в кабинет заведующего. Большевики больше не видели его. Цеха пробовали протестовать, угрожать забастовкой. Но секретаря быстро сослали, а поднятый шум научил Величко осторожности.

Чтобы меньшевистский секретарь не оставался бесконтролен, ячейка ввела работницу Ходокову техническим секретарем больничной кассы. Ходокова скоро обратила на себя внимание начальства. С ее приходом зашевелились женщины, она выявляла среди них более решительных и тянула на подпольные собрания. Она организовала женский политический кружок и руководила им, вовлекала женщин в драматическую студию и другие культурные организации.

Ходокову Величко не вызвал к себе. Только однажды, когда она с Козловой и Антюхиной возвращалась с заседания Думы, ей устроили засаду. Предупрежденная об опасности, Ходокова на завод не явилась и перешла на нелегальное положение под фамилией Тусковой.

Несмотря на неравные условия, ячейка решила вытеснить гвоздевцев из кассы. За это взялся Ильин. Он еще с осени 1915 г. ставил перед страховым советом вопрос о невозможности продолжать работу без остальных страховиков, находившихся в ссылке, и требовал их возвращения. Чиновники и промышленники, входившие в совет, не посмели, разумеется, поддержать это требование. Порешили на новых выборах.

Ликвидаторы зашевелились. Они давно настаивали в своей прессе, чтобы оставшиеся страховики вернули мандаты. Теперь их надежды подогревались тем, что представители касс должны были собраться на заводе «Эриксон».

Но гвоздевцы не могли уже влиять на конференцию. Рас-

четы большевиков оказались более верными. Слушая, как представители 70 заводов клеймят социал-шовинистическую позицию в страховом движении, эриксоновцы окончательно отвернулись от оборонцев.

Большинство конференции (39 делегатов) выразило доверие пораженцам и вместо перевыборов ограничились довыборами 8 большевиков. Выборы носили антигвоздевский характер. Ликвидаторам, вместе с народниками и беспартийными, удалось собрать лишь 26 голосов.

Эриксоновцы дружно вливаются в общепролетарскую борьбу. 26 февраля происходят две летучки: в 2 часа — о помощи бастующим лесснеровцам, в 7 — о больничных кассах. 29-го полиция опять отмечает волнения на «Эриксоне». 1 и 2 марта завод бастует в связи с путиловскими событиями. Правленцы тревожно ждут приближения международного женского дня и дня Лены.

У буржуазии свои праздники; весь арсенал древности привлечен для создания их. Тут и рождество Христово, и его воскресение, и троица, и духов день.

У пролетариата — свое. До Октябрьской революции пролетариат не имел своих праздников. Но он помнил свои поражения, учился на них, чтил погибших товарищей.

9 января, 1 мая отмечали рабочие давно. 1912 г. прибавил Ленские дни, а массовое вовлечение во всех странах капитала в производство женщин дало новую дату — день международной женской солидарности.

Изменились женщины на «Эриксоне», и начальство имело все основания говорить, что кто-то подменил намотчиц. Куда девались их робость, обособленность, уважение к мастерам? Давно ли они прятались во время стачек в конторках? Жизнь многому научила работниц. Они видели, как война разнуздала хищнические инстинкты буржуазии и их слуг. В цехах теперь творились неслыханные вещи. Мастера пьянствовали и таскали что только можно. Щепетильных и нерешительных выживали.

Мастерица Марья Федоровна отличалась осторожностью и обычно не доверяла никому. Только работница Раиса Иванова завоевала ее расположение.

«Всякую глупость передавала начальству, — вспоминают об Ивановой работницы. — Плюнь — и то скажет».

Собравшись в отпуск, Марья Федоровна назначила Иванову

своей заместительницей. И сразу конторка мастерицы превратилась в сборный пункт мастеров.

«Сюда шныряли Орлов, Вебер и другие, — вспоминают намотчицы. — Пьянствовали, развратничали. А что творилось у нее дома — и вспомнить противно».

Когда вернулась из отпуска Марья Федоровна, ей намекнули, что она теперь лишняя. А Раиса становилась все беззастенчивее. Шелк выписывала она в таком количестве, что хватало не только для оклейки якорей, но и для платьев себе и помощницам и даже для рынка. Шерсть, необходимая для обертывания угольков фильтров, куда насыпали порошок для капсулей, чтобы звук был чище, шла больше на костюмы мастерицы и ее ухажеров. Примет военное министерство телефоны и с нечистым звуком.

Все это раскрывало работницам глаза на то, что творилось кругом, и помогало втянуть их в общее движение. В 1916 г. эриксоновцы впервые отмечали международный женский день.

Кризис нависал над страной. Длинные хвосты очередей тянулись вдоль домов, площадей, улиц. Лошади, слишком слабые для войны, пошли на снабжение населения мясом. Кооперация помогала плохо.

Стачки росли. В первый год войны в стране бастовало 58 предприятий, во второй — 928, в третий — 1284. Это не только стачки за хлеб. Большинство петроградских забастовок были политическими.

Происходивший кругом развал убеждал даже самых отсталых в агонии царизма. В 1915 г. продукты вздорожали. В 1916 — они временами исчезали совсем. То, что еще можно было достать, стало недоступно рабочим. Молоко и мясо вздорожали в два с половиной раза, хлеб в пять, масло в восемь раз. По семнадцати основным предметам потребления цены увеличились в четыре с лишним раза. Как только рабочие добивались повышения зарплаты, торговцы делали накидку на товары. Царящая в «сферах» растерянность доходила до того, что когда Гучков «предпринял самостоятельные шаги» для организации столовых и написал градоначальнику о продовольственных затруднениях, которые могут вызвать «нежелательные явления», тот ответил, что о столовых в законе «ничего не сказано, а посему собрания, посвященные организации столовых, являются противозаконными».

Тяжелое положение рабочих замечала даже охранка. В одном из донесений она писала:

«Действительно рабочие, занятые в производстве по обработке металлов, благодаря вызванной войной потребности, зарабатывают весьма солидные суммы. Но этот увеличенный их заработок не является результатом повышения заработной платы, а получается исключительно лишь благодаря усиленным сверхурочным работам, требующим затраты от рабочих громадного запаса энергии и отнимающих у них в большинстве случаев даже время, необходимое для отдыха и сна, не говоря уже о личных делах и частных их потребностях. Этот несомненно изнурительный сверхурочный труд тяжело отражается на настроении рабочих. Они прекрасно сознают, что оплата труда их не повысилась, а увеличилось лишь число рабочих часов, казавшееся им значительным при обстановке мирного времени».

По мере того как в цехах «Эриксона» падало влияние оборонцев, для их покровителей из правления наступали тугие времена.

Тысяча девятьсот шестнадцатый год был встречен декабрьским отказом механиков от сверхурочных. Механики предъявили требования: 1) за сверхурочные приплачивать полную цеховую плату, 2) повысить цеховую плату на 2-3 копейки в час, расценки — на 15%, 3) не-сдельщикам добавлять 120% к цеховой оплате.

Правление в четырех заседаниях разбирало требования механиков. Удовлетворить их оно боялось. — Не удовлетворить? — А заказы? А гарантия правительству?

Их особенно возмущало, что механики даже при удовлетворении их условий не хотели работать сверхурочно больше трех раз в неделю по три часа.

Рабочих пытались уговаривать, но натолкнулись на их сопротивление.

В марте столяры потребовали доведения заработка каждого из них до 9 рублей в день, а чернорабочие до 3 рублей. На обещанное увеличение расценки до 20% они не соглашались.

Револьверщики и автоматчики выставили такие же требования. Величко ответил:

— Будем вознаграждать по усердию.

Но столяры, автоматчики, револьверщики, делегация женщин, чернорабочие желали не вознаграждения по усердию, а

соответствия заработной платы скачущей дороговизне. Женщины проявляли такую настойчивость, что приходилось считаться и с ними.

«В виду предъявления ходатайства о повышении оплаты женского и чернорабочего труда на заводах Нобеля и Петроградском металлическом, — решает правление, — собрать заседание механического отдела Общества заводчиков и фабрикантов».

Созвали. Установили:

«Женщинам — 14 копеек в час, чернорабочим — 18—19, в горячих цехах — 20—22 копейки».

Но волнения не прекращались. Механики попрежнему не работали сверхурочно. Осмеливались роптать и чернорабочие. Только столяров удалось припугнуть.

— Вы не механики. Я из Костромской губернии тысячу столяров выпишу, — угрожал им Шпергазе. И они уходили ни с чем.

Наступали монтеры и мастеровые военно-морского отдела, устанавливавшие на судах приборы, и требовали за проработанный час двухсполовинной цеховой оплаты. 16 марта разрозненные претензии отдельных цехов заменились общим требованием пяти секретных мастерских.

Да что говорить о механиках! Мальчики, ученики, выбрали безусую делегацию, вошли в кабинет заведующего и потребовали прибавки копейки в час. Величко возмущенно выгнал их, обозвав шарлатанами. Но ученики бросили работу и сняли всех подростков. Только мальчики военно-морского отдела не присоединились к ним. Молодежь готовила штрейкбрехерам встречу у ворот. Несколько раз на улице учеников разгоняла полиция, но они снова собирались. К общей радости, вождь молодежи, Новиков, незадолго до гудка крикнул:

— С победой вас. Завтра на работу!

Требование подростков было удовлетворено. Величко приготовил им расчет, но, получив ультиматум из ряда цехов, смирился, боясь забастовки. Большевики не могли допустить, чтобы их свистунов, дозорных и разведчиков рассчитали.

Война все более поворачивалась к акционерам теневой стороной. Поднятый вопрос о постройке нового завода не встречал сочувствия. В сентябре Шпергазе выезжал в Волжский район для выбора участков. В ноябре он предлагал уже

приступить к стройке. В протоколах остались сухие, красноречивые записи:

4 ноября.

Слушали:

В виду того, что правление должно считаться с всевозможными случайностями войны и не может быть уверено, что Петроград сохранит в будущем ту же роль в промышленности страны, какова она была раньше, при разрешении вопроса о способе расширения завода должна быть принята во внимание необходимость иметь такой же завод и вне Петрограда

Постановили:

Немедленно приобрести участок земли внутри России. Составить предварительный проект и смету нового завода.

Все ясно, обосновано, логично. Петроград может очутиться под ударом. «Эриксон» — главный поставщик телефонного имущества для армии и точных приборов для флота. Надо в тылу создать новый завод.

Но уже через две недели такое твердое и разумное решение начинает странным образом колебаться. 26 ноября председателю совещания заводских приемщиков посылается докладная записка в 11 листов, где правление всеми силами пытается доказать, что постройка завода вне Петрограда нецелесообразна, так как это не даст немедленного эффекта.

Что могло произойти за короткий срок, чтобы в корне изменилось мнение таких положительных, деловых людей, как Шпергазе, Перепелкин, Сандберг, Якимов, Хагелин, Иогансон?

Документов, которые ответили бы на этот вопрос, нет. И все же ответ несомненен: шведские хозяева объяснили своим петроградским приказчикам, что Эриксону ничуть не хуже будет при немцах, чем при русских.

У него завод в Петрограде? Но у него другой завод в Австрии. Эти страны вздумали воевать? Что же? Ларс Магнус Эриксон поможет и одним и другим. Пусть только военные министерства отпускают деньги на расширение заводов. Отделение Ларса Магнуса в Петрограде поможет русскому правительству победить Австрию, а отделение его в Буфало поможет Австрии разгромить Россию. Деньги одинаково хороши и у русских и у немцев. Но при возникшем серьезном

обострении русско-шведских отношений Эриксон предпочитал не вкладывать в России лишних денег.

В русском акционерном обществе «Эриксон» интересовались военными делами. Наряду с прейскурантами и коммерческой перепиской хранились всевозможные документы о составе шведской армии и флота, о крепостях, о местах вероятных военных действий и т. п.

Да и чего церемониться! Отношения, установившиеся с заводскими приемщиками, позволяли не стесняться.

От приемщика зависело пропустить или забраковать партию телефонов, коммутаторов, приборов. Как представители высоких заказчиков — военного и морского ведомств — они могли способствовать или мешать получению новых заказов. Каждый завод старался с приемщиками жить в ладу, т. е., попросту, покупать их.

Перепелкин откровенно признается:

— В этом деле, я знаю документально, чистыми были только Маниковский и Чанышев.

Чанышев смущенно вспоминает:

«Говорили, что берут, но я не верил. Ведь люди были все обеспеченные, казалось, не будут честь марать. А после революции их по фамилиям назвали».

Жизнь многому научила Льва Ивановича Шпергазе. В начале его карьеры, когда в главном артиллерийском управлении ему подали конверт со взяткой, возмущенный директор спустил нахала с лестницы. А в ответ ему полетело:

— Так поступают ослы.

Шпергазе знал, что шведский хозяин не признавал сентиментов и вряд ли поблагодарил бы за излишнюю щепетильность.

— Вы так много даете советов, ведь вы работаете на нас, вы и оценить не можете, какую огромную пользу вы приносите, — говорили Чанышеву то один, то другой член правления. — Мы в долгу перед вами и совершенно теряемся как вознаградить вас. Не подумайте... мы не хотим вас обидеть, но и не хотим быть неблагодарными. Вы нас очень обяжете. Может, у вас в чем нужда, ну, пустяк какой-нибудь...

Деликатный Шпергазе не оскорблял чувства порядочности и, конечно, не совал взятки. Дружба с приемщиками была самая трогательная. Решения правления обычно в тот же день обсуждались на совещании приемщиков. Этому ни-

сколько не мешала сложная процедура этих совещаний. Каждому на дом посылалась такая грамота:

«Председатель совещания заводских приемщиков, свидетельствуя свое почтение, просит пожаловать вас в заседание совещания, имеющее быть в помещении завода в таком-то часу».

26 ноября 1915 г. была составлена докладная записка о необходимости строить завод в Петрограде и 26-го же собралось совещание приемщиков. Решение их коротко:

«Не вдаваясь в условия, на которых предприятие может расширяться, признать расширение в Петрограде целесообразным и представить на обсуждение заводского совещания».

Впрочем, на этот раз друзья просчитались. Нельзя было даже за крупную «благодарность» строить новый завод в Петрограде, когда немцы уже хозяйничали в Прибалтике. Кому охота быть зачисленным в изменники?

Около полугода мариновалась докладная записка Шпергазе в заводском совещании. А в марте 1916 г. прибыл неутешительный ответ, что при существующих условиях строить новый завод в Петрограде нельзя. Другое дело — в глубоком тылу.

От неожиданности правленцы полтора месяца растерянно молчали. А дела принимали все более плохой оборот. Вокруг телефонного завода сгущались грозные тени.

Началось с совершенных пустяков. На заводе заметили, что получаемые у фирмы «Электрическая энергия» сухие элементы после установки в телефонный аппарат сырели, взбухали, выделяя пену, и приводили его в негодность. Дело было легко поправимо: требовалось расторгнуть договор с «Электрической энергией» и заключить его с другой фирмой — «Гелезен», делавшей хорошие элементы.

Но что кажется простым неискушенному уму, бывает в действительности довольно сложно. Как расторгнуть контракт с фирмой, родственной Л.-М. Эриксону? Завод упорно заказывал элементы «Электрической энергии», хотя это могло подорвать доверие военного ведомства.

Поражения на фронте требовали, по испытанному русскому обычаю, нахождения изменников, и искали их довольно энергично. Стоило предприятию пошатнуться, как грозное слово «измена» нависало над ним.

А тут конкурентом «Электрической энергии» выступил Харьковский университет, плененный спекуляцией и воз-

можностью приобщиться к отечественным барышам. Какая-то женщина стала во главе этой «истинно-русской» фирмы, изготовлявшей элементы. По неопытности, она не знала путей получения заказов и пустила ядовитое слово по адресу шведского завода, отвергнувшего ее происки.

Говорят, сам Рузский приезжал для расследования. Говорят, была назначена следственная комиссия. Но правление позаботилось об уничтожении следов. «Эриксону» удалось замять шумиху, указывая на то, что нет ни химически чистого марганца, ни химически чистого цинка, ни даже хорошего импортного угля, требующихся для производства элементов.

Шумиху замяли, но положения не спасли. Министерства не возобновили заказов.

И тут правление делает блестящий ход, рассчитанный и на самых заядлых врагов «Эриксона», подвергавших сомнению истинно-русский дух фирмы.

При посредничестве Стокгольма пытаются перевести из Австрии телефонный завод Ларс-Магнуса в Россию.

Шведского хозяина умели не раз использовать для русских целей; чтоб не терять клиентов, ему были переданы почти все частные заказы. Ларс-Магнус шел и на большее. Когда стал ощущаться недостаток в некоторых материалах, он снабжал ими русское отделение. Так, в Германии шведский завод стал закупать латунь, в то время как Петроградскому отделению, несмотря на нажим министерства, не удалось добиться регулярной ее доставки заводом Латугина. Из Германии же шел эбонит для изоляции, каучук, инструментальная сталь, нейзильбер и даже такой пустяк, как наждачная бумага. В дни беспощадной подводной войны шведский пароход рискнул выйти в Россию под флагом нейтральной державы с грузом телефонов и дефицитных материалов. Подводная лодка пустила его ко дну. Эриксон, не задумываясь, послал в возмещение другой пароход, и, как знать, возможно, что в обратный рейс он увозил с собой для австрийского завода предметы, имевшиеся в изобилии в России.

Верили сами правленцы в свою новую затею или это был лишь патриотический шум, — неизвестно. Во всяком случае ход оказался удачным. Доверие к фирме было восстановлено.

А в шестнадцатом году война принесла новые осложне-

ния. 18 апреля Перепелкин приехал с заседания в министерстве торговли и промышленности и попросил спешно собрать правление.

— Представитель министерства, — печально информировал он, — сообщил о затруднениях в доставке топлива в Петроград и отсутствии возможности в ближайшее время урегулировать подвоз. Впредь не будет разрешено, — добирался он до больного места акционеров, — ни создание новых промышленных заведений в Петрограде, ни расширение существующих.

Лица правленцев выражали уныние. Перепелкин меланхолически добавил:

— Предложено немедленно эвакуироваться. В настоящее время предлагается выселение добровольное, но возможно, что придется часть заводов выселить принудительно.

Мрачное настроение не улучшилось от обещаний:

— Министерство готово содействовать выдачей ссуд, частью безвозвратных...

Правленцы пытались найти выход.

— Выселить можно лишь телефонный отдел, — упорствовали они, — военно-морской, артиллерийский выселен быть не может, ибо производство его идет на Балтийский флот. Переводить завод на юг для того, чтобы фабрикаты вновь направлять на север, не представляется целесообразным.

— Внутри России может быть создан завод для выделки аппаратов.

— Станции переключения и коммутаторы должны оставаться на прежнем месте.

Пренебрегая недовольством шведских хозяев, акционеры идут напролом:

— Выработку плана по организации нового завода поручить Р. М. Трехцинскому, наказав ему энергичное исполнение поручения и освободив от исполнения обычных обязанностей.

Сделав из обороны доходную статью, истинно-русские патриоты эвакуацию использовали для достижения заветных целей.

Но туго, очень туго подвигалось дело с новым заводом. Удайся это — многое акционеры простили бы властям. Разлад между промышленниками и правительством все углублялся. Власть попрежнему оставалась глуха к услужливости буржуазии. Вот что говорит об эволюции своего класса

один из видных его представителей, Челноков, в марте 1916 года на IV съезде городов:

— Мы не стремились развивать свою деятельность до тех рамок, в какие она вылилась в настоящее время. Вначале мы собирались помогать раненым и только, но когда мы увидели, что правительство ведет страну к гибели и готовит армии разгром, мы из инстинкта самосохранения, из инстинкта государственности, того инстинкта, который чужд правительству, принуждены были вмешаться, взять дела в свои руки. Мы не хотели заниматься политикой, но нас заставили сделать это. Когда мы увидели, что правительство не помогает, а только мешает нам, мы должны были поставить вопрос об удалении этого правительства и замене его таким правительством, которое пользовалось бы доверием народа. Мы вначале верили, что Петербург действительно стал Петроградом, но теперь для нас совершенно ясно, что эти господа ровно ничего не забывали и ровно ничему не научились и с этими господами, следовательно, нам говорить больше не о чем.

Эриксоновские правленцы внимательно следили за выступлением своих вождей. Неспроста Шпергазе приблизил к себе заурядного инженера Новицкого, узнав, что он активный кадет. Новицкий был близок к Милюкову и впоследствии стал его секретарем. На «Эриксоне» он был связующим звеном между своей партией и дельцами из правления.

В своих письмах к Горемыкину Родзянко на все лады ругает правительство:

«Бездеятельностью власти угнетается победный дух народа и вера его в свои силы. Если совет министров не примет тех мер, которые спасут родину от позора, и если вы, Иван Логинович, не чувствуете в себе сил нести это тяжелое бремя и не используете все средства для того, чтобы помочь стране выйти на стезю победы, то имейте мужество в этом сознаться и уступить место более молодым силам».

Попытка образумить правящих обличительными речами не имела успеха. Помещики ни с кем не хотели делиться, и программа мирного врастания во власть так и повисла в воздухе. Милюков 10 февраля ударился в глубокую критику:

— Я, господа, говорю не для того, чтобы предложить

способы выхода. Я их не знаю. Я знаю, где этот выход, но как до него дойти, я не знаю. У нас нет средств разрешить этот вопрос своими силами, и мы не решаемся более обращаться к государственной мудрости власти.

Шпергазе переживал такую же растерянность. Он не желал оставаться в роли пассивного зрителя и старался помочь своим подручным — гвоздевцам. Расставаясь с устаревшими либеральными традициями, он вызвал в свой кабинет Маврина, которого считал зачинщиком всех смут. Позволить арестовать его на заводе Шпергазе все же не решался. Но когда стали скопляться донесения со всех этажей, что Маврин поднимает вопрос о сверхурочных, что Маврин неустанно призывает к стачкам и выступлениям,— Шпергазе послал за ним.

— Я не имею права не довести до соответствующих инстанций о вашей агитации, — начал он. — Положение обязывает. Но я совсем не желаю, чтобы вас сослали. Я счел долгом вас предупредить.

Маврин не придавал значения предупреждениям директора и не принял мер предосторожности. Однако при всей горячности он был хороший конспиратор, и охранка, не сумев накрыть его дома, стала подстерегать у завода. В обеденный перерыв, когда он возвращался один из столовой, охранники подкрались к нему, набросили на голову мешок, быстро усадили на извозчика и увезли.

Времена изменились. Организация на «Эриксоне» окрепла настолько, что арестом отдельных большевиков нельзя было остановить партийную работу и усилить влияние оборонцев.

Наиболее чуткие меньшевики, чтобы не выпасть окончательно из политической жизни рабочего класса, отмежевывались от гвоздевцев. В августе интернационалистская «Инициативная группа» на Выборгской стороне, еще год назад выпустившая специальную листовку в защиту гвоздевцев, теперь выступила против Гвоздева с воззванием:

«Мир еще не видел такого ужаса, таких страданий и разрушений, — спохватываются они. — Весь воздух насыщен горелыми и гниющими телами, и человеческая кровь льется без конца...

Товарищи! Вы помните, что, посылая представителей в военно-промышленные комитеты, рабочие Петрограда давали наказ, в котором поручали, чтобы они потребовали

созыва всероссийского рабочего съезда... Мы считали их пребывание временным и вовсе не поручали говорить от лица всероссийского пролетариата...

Но они об этом забыли. Они забыли, что петроградский пролетариат через головы выборщиков вовсе не поручал им говорить от своего имени языком национал-социализма, языком оборончества. Они запамятовали, что вместе с выборщиками определенная политическая группа, прикрывая своими знаменами единый в то же время меньшевизм, ни на одну минуту не становилась на точку зрения обороны и неоднократно требовала от них выполнения наказа».

Гвоздевцы заврались. Их деяния были беззастенчивыми и не отмежевываться от них стало невозможным. На совещании областных военно-промышленных комитетов 24 мая Гвоздев заверил промышленников, что рабочие группы осуждают происходящие на заводах стачки. Достоверность этого заявления подтверждает донесение провокатора Абросимова:

«24 мая было второе совещание по вопросу о выступлении в областных комитетах и о самостоятельности в деятельности рабочих групп. Как итог этого дня: 1) твердо решено стать на позицию обороны; на собрании представителей ОК не было; 2) по вопросу о забастовках решено таковые осудить и потребовать введения примирительных камер и института старост».

У эриксоновцев были все основания предъявить оборонцам счет, и гораздо более решительный, чем предлагала «Инициативная группа». Гвоздев все еще числился представителем телефонного завода.

До Кузьмы Антоныча доходили сигналы бедствия его друзей. В старостат уже были выбраны такие люди, как Филат Боровиков, Жуков, Смирнов, анархист Иванов, скорее склонные создавать конфликты, чем улаживать их. При введении примирительных камер Гвоздев решил лично приехать на «Эриксон» и своим авторитетом поддержать соратников.

Он очень изменился за это время. Если и раньше он был мало похож на рабочего, то теперь, раздобрев и приосанившись, окончательно приобрел вид барина. Безукоризненно, джентльменски одетый, он шагал по цехам величественной походкой властелина. Дружба с Гучковым сказывалась.

Уверенная в его авторитете среди рабочих, буржуазия

льстила ему и заигрывала как с общепризнанным вождем. Уезжая в отпуск, Гучков публично вручил не кому иному, как Гвоздеву, заботу о судьбах Российской империи:

«Милостивый государь Кузьма Антоныч.

Перед отъездом... считаю своей непременной обязанностью обратиться к вам и ко всем вашим товарищам с самой убедительной просьбой охранять тот «социальный мир», который нам в данное время необходим более, чем когда бы то ни было...

Вполне понимаю, что накопилось много счетов и что многое наболело, но сводить счеты и врачевать эти недуги придет свое время.

Обращаюсь к вам с горячей дружеской просьбой внять моему слову убеждения. Обращаюсь к вам потому, что у вас и у ваших товарищей, избранных в ЦВПК, есть достаточный авторитет среди рабочих. Обращаюсь к вам потому, что до сих пор мы всегда умели находить общий язык».

Но авторитетом Гвоздев пользовался теперь только у буржуазии. Его политика и слухи о том, что заправилы Думы ездят к нему в гости, его широкая жизнь, в то время как революционеров бросали в тюрьмы, мало способствовали его популярности среди рабочих.

Гвоздев не узнавал эриксоновцев: хмурые, озлобленные. Даже друзья не в духе, прятали взгляд, отворачивались. Собрание волновалось. О примирительных камерах не хотели и слышать. И вдруг сквозь гул и ропот явственно прорвалось:

— Долой!.. Позор!..

— Снять полномочия! Сколько терпели!..

— На тачку его! Хватит предательства!..

С минуту Кузьма Антоныч стоял ошеломленный, не веря, не слушая. Его, Гвоздева, на тачку! Он ожидал, что каналью немедленно схватят, поволокут, вытолкают из собрания. Но по мере того как до его сознания доходил страшный смысл кинутых слов и возбужденные, враждебные выкрики, он все больше пятился к дверям. Вспомнив, как не раз в подобных случаях Шпергазе выпускал его через парадную, Гвоздев опрометью бросился туда.

РАЗБЕГ

Петроград давил на Россию. Отсюда устремлялись на среднерусскую низменность, на финские скалы, на близкую Польшу и далекую Сибирь царские манифесты, генерал-губернаторы, карательные отряды.

Но и в самом Петрограде беспрерывно закипало людское возмущение, вспыхивали забастовки.

Война не помогла. Всё новые предприятия выступали застрельщиками рабочего движения. В прошлом году — «Невский» и «Эриксон», в феврале — «Новый Лесснер», сейчас «Рено».

Сбилась с ног жандармерия, трусила полиция, не справлялись охранка и отделение по охранению общественной безопасности. Ненадежны стали казаки, колебалась армия.

Наступила тревожная осень 1916 г. Тридцать месяцев войны ничего не принесли, кроме жертв. Вместо обещанного изобилия — голод гнездился в рабочих кварталах.

Ежедневно полиция с монотонностью автомата доносила: «летучки, собрания, митинги».

Рабочие корреспонденты писали:

«Достаточно малейшего шума, удара железа, чтобы возбужденные рабочие бросили все и ушли на улицу».

Тяжело стало правящим и их защитникам в 1916 г.

По свидетельству охранки:

«Трудно назвать класс общества, который был бы солидарен с правительством. Слова сурового осуждения приходится встречать как справа, так и слева. Вся тяжесть ответственности за недавние неудачи на войне, осуждения по поводу тяжких настроений тыла — все это ставится пра-

вительству на вид как дворянством и крупным торгово-промышленным классом, так и более широкими обывательскими кругами. Ненависть же либеральной интеллигенции в отношении правительства едва ли когда-нибудь достигала высших степеней».

Стачечное движение приобретало черты беспокойного пятого года и периода предвоенного подъема. Горестно жаловалась охранка:

«Теперь оппозиционность настроений достигла таких размеров, до которых она далеко не доходила в широких массах в упомянутый смутный год».

Петербургский комитет в середине октября выпустил листок с призывом к борьбе против войны. «Пора народным массам взять инициативу в свои руки, — говорилось в нем. — Довольно терпеть и молчать. Пролетариат России должен немедленно подать свой голос и повести за собой все живые и демократические элементы страны»... Настроение на заводах было повышенным, и в этом воззвании увидели призыв к выступлениям.

17 октября забастовал «Рено». К нему примкнули «Лесснер» и «Эриксон». Около Флюгова переулка произошло столкновение с полицией. Солдаты 181-го полка, помещавшегося рядом, выступили в защиту бастующих. Они повалили забор, отделявший их от толпы, и, влившись в нее, начали энергично расправляться с усмирителями.

Какой-то прапорщик произнес революционную речь. Приехавшего в авто командира встретили камнями, и он должен был искать убежища у администрации завода.

Вызванная для водворения порядка учебная команда на троекратный приказ «пли» опустила ружья вниз. И даже казаки отказались стрелять. Армия, последний оплот самодержавия, армия Российской империи, слывшая стражем европейской реакции, когда-то усмирявшая революции в чужих странах, пошатнулась.

Ночью арестовали 130 солдат.

18 октября некоторые заводы вышли на улицу. У «Эриксона» исправно караулил городовой. Чтобы избавиться от слежки, с верхних этажей сбросили на него каменную плиту. Он мотнул головой и упал навзничь.

После шабаша рабочие не расходились. Они группами рассыпались по Большому Сампсониевскому. Жандармы, конные и на пролетках, шныряли по проспекту.

Загорелась гражданская война. Разбег ее в октябре достиг такой силы, что партии приходилось несколько сдерживать движение. Преждевременное выступление могло привести к разгрому.

ПК выпустил воззвание к рабочим и солдатам, заканчивавшееся словами:

«Возвращайтесь теперь к станкам, с тем чтобы покинуть их снова, чтобы всеобщей стачкой, в союзе с армией, повести последний штурм за низвержение самодержавия».

21 октября забастовка притихла. Но уже 26-го на «Эриксоне», «Новом Лесснере» и «Фениксе» она опять вспыхнула, вызванная сведениями о казни матросов.

Рабочим объявили локаут, с лишением отсрочек военнообязанных и досрочным призывом 17- и 18-летних.

Это уже никого не могло испугать. К октябрю 1916 г. страна и особенно Питер были в состоянии упадка, о котором говорили даже такие люди, как командующий северным фронтом генерал Рузский.

«Банки, крупные и мелкие, спекулируют безнаказанно, спекулируют во-всю, — пишет он председателю совета министров Штюрмеру. — Нередки случаи, когда портятся и уничтожаются задержанные спекулянтами к выпуску на рынок продукты. Потерь от этого они не несут, возмещая убыток непомерным взвинчиванием цен на продукты, выпущенные в продажу, а население от этого терпит лишения».

«Когда же нажиться, как не теперь, — говорилось в листовке ПК, — вот вся идеология современных «хозяев жизни», и всякий, от министра до лавочника, спешит урвать свою долю добычи. Крепостническое дворянство, под видом «твердых цен» вздувающее цены на хлеб; сахарозаводчики, припрятывающие запасы сахара, чтобы вздуть на него цены; петербургские городские заправилы, наживающиеся на тухлой рыбе и тухлом мясе, — все прикладывают тут свои грязные лапы и над всей этой свистопляской зарвавшихся хищников парит все тот же двуглавый орел — символ романовской монархии, на крови и золоте старающейся укрепить свое господство».

Страх перед революцией развязал думцам язык, и в ноябрьскую сессию они обрушились на правительство. Об их испуге свидетельствует состоявшаяся 23 октября конференция кадетов, настроение которой охранка характеризует как «непомерный страх перед революцией». Правительство

отлично знало, что кадеты решили стать на путь борьбы с «революционными анархическими инстинктами». Милюков в отношении к самодержавию намечал свою программу:

«Нравственный кредит правительства равен нулю. В последний момент, охваченное ужасом, оно, конечно, ухватится за нас, и тогда нашей задачей будет не добивать правительство... а влить в него совершенно новое содержание... Вот почему в борьбе с правительством, несмотря на все, необходимо чувство меры... Поощрять во имя борьбы с правительством деятелей анархической революции — это значило бы рисковать всеми нашими политическими достижениями, завоеванными с 1905 г.».

В пятом году буржуазия твердо стала на путь контрреволюции, оставаясь на нем до последних своих дней. Шумиха на сессии была нужна для другого.

— Мне кажется, — говорил Шульгин, — и рабочие, в руках которых наполовину находятся судьбы России, будут спокойно стоять у своих станков, зная, что Дума исполнит свой долг... Пока у нас есть один способ борьбы — говорить...

К ноябрьскому открытию Думы готовилась вся буржуазная столица. Назревающий между самодержавием и буржуазией конфликт требовал своего разрешения. Речь Милюкова так энергично «разоблачала» распутинский кабинет Штюрмера, что в столице поговаривали о дуэли.

Правительство запретило печатать стенограммы заседаний Думы, и Петроград стал ареной новой нелегальщины: речи депутатов расходились перепечатанными на машинках. Это было выгодно думцам, так как придавало их речам особый вес.

Буржуазия сплачивалась вокруг прогрессивного блока. В Думу летели телеграммы от московского биржевого комитета, от биржевой управы, от комитетов хлебной, мясной и всяких прочих бирж с выражением горячего сочувствия. Буржуазия до того осмелела, что деятели союзов земств и городов устроили съезд явочным порядком.

И даже Государственный совет, даже эта палата сановных старцев, оплот трона и реакции, в заседании 22 ноября объявил, что отечество в опасности, и принял резолюцию о «темных силах» и смене министерства.

Революционная ситуация была налицо.

Удушливые газы наполняют окопы. *(Совр. илл.)*

Забастовки перекидывались с завода на завод, из города в город, охватывая целые районы. Начинались волнения в армии и флоте, брожения на фронтах. С рабочим движением в городах перекликались крестьянские бунты, сопровождавшиеся местами поджогами помещичьих усадеб.

Казалось, для социалиста не могло быть сомнений в том, что необходимо все силы пролетариата бросить на осуществление революции.

Но совсем не так рассуждали эриксоновские меньшевики. Под влиянием думской фракции, с которой поддерживалась связь через токаря Семенова, они перешли на сторону буржуазии и дворянства и тоже требовали ответственного министерства. Они решили протащить на общих собраниях рабочих свои резолюции и пойти с ними в Думу.

Трудно понять, как интернационалист Семенов мог одновременно быть ходатаем у Родзянко и составлять в инициативной группе воззвания против военно-промышленных ко-

митетов. Интернационалисты на «Эриксоне» не имели самостоятельной линии. Если у них и были расхождения с оборонцами, то носили они шкурный характер. Гвоздевщина накладывала такой отпечаток на партийную жизнь своего завода, что интернационалисты и объединенцы были обезличены. На собраниях все меньшевистские группки выступали вместе и до и после воззвания. Их поражение объясняется не численным превосходством большевиков на заводе. Как и раньше, лицом к лицу стояли две организации, почти равные по количеству членов, и если говорить о некотором перевесе, то он был попрежнему у меньшевиков. Только в столярном корпусе большевики имели большинство. Там на всех шести этажах меньшевики не могли противостоять Жукову и его товарищам. В инструментальной был один Антюхин против обоих Семеновых. В остальных механических цехах Ильин, Мансырев, Стоп противостояли меньшевикам Володину, Бакееву, Нечаеву, Михайлову, Васильеву-Копченому, эсерам Мильчику, Собанскому.

Обе организации имели свою молодежь. Меньшевистские кружки обосновывались около больничной кассы или других легальных организаций: Самсониевского общества, дома Нобеля. В этих обществах выступали Гвоздев или Майский.

По-иному строилась воспитательная работа у большевиков. Каждый партийный активист должен был воспитывать

Бал у графини Шуваловой в 1916 г. *(Фото.)*

группу рабочих хотя бы человека в три. Кружки Антюхина и Боровикова объединяли рабочий актив. Среди женщин и молодежи были сильны большевистские влияния. Кружок Ходоковой состоял из работниц-пораженок: Антюхиной, Козловой, Федоровой. Беседовали о характере войны, Парижской Коммуне и т. п.

Неизменность состава эриксоновской организации объяснялась отсутствием провокаторов на заводе. На «Лесснере» орудовал провокатор Черномазов, на «Айвазе» — Шурканов и Сурин. На «Парвиайнене» тоже приютился охранник.

На «Эриксон» трудно было устроиться шпику. Может это объяснялось тонкой политикой Шпергазе. Да и поступить на завод можно было только по рекомендации. Между цехами было хорошее сообщение («скакнуть из этажа в этаж»). Каждый новый человек был на виду и о мало-мальски подозрительном случае быстро осведомлялись.

В мастерскую Шлозберга пытался поступить эсер Сурин с «Айваза». Развязным поведением он сразу обратил на себя внимание. Стараясь войти в партийную жизнь, он предлагал подпольщикам паспорта. И всех уверял:

— Меня не бойтесь. Меня много раз сажали, и я выкручивался.

О Сурине передали руководящим товарищам, навели справку на «Айвазе» и предложили ему немедленно убраться с завода. Он исчез.

К 1916 г. эриксоновская ячейка большевиков настолько окрепла, что играла виднейшую роль в жизни своего района. С 1915 г. из эриксоновцев в райкоме были: Иван Маврин, Алексей Ионов, Иван Жуков, Таежный (под кличкой Могильникова), Боровиков и Иван Антюхин. Последний возглавлял агитколлегию райкома и под его руководством на холодной, нетопленной даче в Лесном прорабатывались темы докладов для рабочих собраний.

В районе эриксоновцам пришлось выдержать серьезную борьбу с представителем «Нового Парвиайнена» Мульгиным. Его невзлюбили сразу, но подозрения не давали возможности избавиться от него. Часто сами провокаторы наводили тень на наиболее активных революционеров. Так Черномазов оклеветал Таежного, воспользовавшись тем, что тот благодаря исключительной осторожности ни разу не был

арестован. Таежного на некоторое время удалили из райкома и отстранили от партийной работы.

Мотивы для подозрения Мульгина были те же. Правда, целый год с ним работал весь выборгский актив и никто не был провален, но некоторые товарищи к нему относились с предубеждением, считая, что при его бешеной активности он должен был попасться. Другие же, наоборот, очень скоро оказались под влиянием Мульгина.

«Когда в районе заговаривали о провокаторах, он краснел, — вспоминает Антюхин. — Но мы народ такой, что не обвиним с кондачка. Как-то он разговаривал с парнем. На моих глазах того арестовали, а Мульгина не взяли. «Почему тебя не взяли?» — спросил я в упор. Он ответил, что недавно приехал, что его еще не знают».

Постоянные провалы и аресты будоражили район. Люди перестали доверять самым близким.

«Дело доходило до того, — вспоминает подпольщик, — что когда приехал из-за границы новый товарищ и когда мы с ним познакомились через Максима Горького, то пришлось несколько раз испытывать Горького, давно ли он его знает и как его знает».

О Мульгине стали наводить справки. Выяснилось, что начал он свою революционную деятельность в Николаеве. Вместе с эсером Нарыжным они подняли на стачку (в годы реакции) казенный судостроительный завод. Скоро главарей арестовали. Нарыжному дали 3 года, Мульгину — 6. Он появился в Петрограде по истечении 3 лет. Товарищам рассказывал о своем бегстве.

Энергичный Мульгин вскоре стал членом райкома. О его смелости ходили легенды. Как-то вызвавшись с Боровиковым поднять никогда не бастовавший патронный завод в день суда над матросами, он наткнулся на начальство. С криком «ворвались бандиты», хозяева кинулись к телефону, но Мульгин схватил валявшуюся свинцовую кувалду, налетел на охрану и, воспользовавшись ее замешательством, скрылся с товарищем. Не менее отчаянно он вел себя и в других случаях.

Он был развит, горяч; многие в нем это ценили.

Его активность одних подкупала, других настораживала. Нараставшее движение требовало укрепления организации, собирания сил, а он толкал на преждевременные выступления. У стариков росло недоверие.

Партия обрастала большой армией. Чувствовалась острая нужда в солидно поставленной пропаганде. Кружок стариков-сормовичей поручил одному из своих членов создать районную типографию. Получив через Жукова благословение райкома, тот нашел комнату. Типографские кассы сделали в столярной. Самое трудное было вынести с завода такие громоздкие вещи. Но столяры, дружно сомкнувшись вокруг несущих, оттолкнули охрану и прорвались.

Недели две затратили инициаторы на это дело. Наконец все наладилось. И вдруг Жукову поручили потребовать передачи типографии районному комитету.

— Кто первый поставил этот вопрос? Не Мульгин ли? — спросил организатор типографии.

Жуков подтвердил. Мульгин к тому времени пользовался уже таким авторитетом, что был выбран в исполнительную комиссию райкома. При передаче было поставлено условие, чтобы типография сносилась с внешним миром только через Жукова. Спорить с этим Мульгин не мог: конспирация разрешала такой ультиматум. Но при первом случае он постарался отобрать типографию.

Подозрение против Мульгина увеличивалось. Но материала к обвинению не было.

«Никому я не доверял, — пишет Жуков. — С Кодацким дружил, и ему своего адреса не давал. Мульгину дал. Как-то он был у меня. Я во двор вышел, а он, думая, что никого нет, стал квартиру и замки осматривать. Жене подозрительным показалось, а я не поверил. Он мне наверное и шрифт для типографии в охранке достал».

После провала ПК в Языковом переулке состоялось районное собрание с участием Лобова, Дыбенко и Коллонтай. Жуков выдвинул Мульгина представителем в ПК. Когда Мульгин вышел, его стали горячо отводить.

— Странный он. Ты, Ванька, молодой, — сказал один из участников собрания, — а я много лет работаю и нюх у меня на таких людей.

— Ты что замечал?

— Пока материала не имею, но подозрителен он мне, и все тут.

На двух собраниях выдвигали Мульгина в ПК, но настойчивые выступления заставили товарищей воздержаться от голосования за него.

На Выборгской стороне было тогда своеобразное двоевла-

стие. На ряду с райкомом существовала обособленная группа «стариков», которая противопоставляла себя райкому. Она даже вступила в переговоры с группой меньшевиков-интернационалистов и по своему усмотрению приняла их в партию.

«В Выборгском районе, — вспоминает эриксоновец, — встретил оригинальный рабочий кружок «нижегородцев-сормовичей», работавших «самостоятельно». Этот кружок объединял партийных рабочих, которые стояли на интернациональных позициях, но не связывались с Петербургским комитетом.

Один из «сормовичей» о планах своей группы пишет:

«Убедившись в отсутствии в своей среде провокации и шпионажа, наша группа решила в первую очередь захватить в свои руки районный комитет Выборгской стороны.

Мне было поручено заполучить в свои руки районную типографию... Мы решили расширить группу за счет представителей с заводов. Первый же представитель с завода «Айваз» Шурканов, к несчастью, оказался провокатором...»

Размах движения 1916 г. уже не мог быть остановлен никакими провокаторами. Их деятельность обезвреживалась сотнями следящих за ними подпольщиков. Провал типографии был последним их подвигом.

«После случая с типографией, — писал «сормович», — я всячески старался избегать встречи с Мульгиным, но это не удавалось.

В первые дни января 1917 г. ко мне явились Мульгин и Жуков для обсуждения вопросов, связанных с созывом районной партийной конференции. Предоставив им комнату, я старался не принимать участия в их разговоре. Сговорившись относительно техники созыва и порядка дня, т. Жуков на минуту зачем-то вышел из комнаты. Воспользовавшись его уходом, я подошел к Мульгину и в упор спросил:

— Кто является инициатором созыва конференции и какая надобность в этом?

Несколько смутившись, Мульгин в свою очередь задал мне вопрос:

— А почему вы спрашиваете, товарищ?

— Чтобы знать, кто за нее ответственен.

— Ну, хотя бы я, — вызывающе бросил Мульгин.

— В таком случае мне больше ничего и не надо, — ответил я.

По возвращении т. Жукова мне тут же было предложено подыскать квартиру для конференции. Квартира по 2-му Муринскому проспекту была дана И. Маховым, столяром завода «Эриксон».

Насколько мне помнится, около 10 — 12 января конференция состоялась. Расстановкой патрулей ведал Мульгин. По дороге на конференцию я обдумывал, как спасти конференцию от возможного провала.

Явившись на квартиру Махова, я застал там человек десять, в том числе и представителя ПК т. Шутко. Остальные товарищи, видимо, опоздали. Воспользовавшись этим, я пошел к патрулям и на свой риск снял их, указав им другие места...

Когда собралось человек тридцать, Мульгин предложил избрать президиум, прочитал намеченный порядок дня. Конференция обсуждала текущие мероприятия, вытекавшие из нового подъема рабочего движения. Взяв слово для внеочередного заявления, Мульгин возбужденно доложил, что кто-то из присутствующих самовольно нарушил дисциплину, т. е. перевел патрулей в другое место, и предложил собранию вынести за такой поступок порицание. Порицание было вынесено».

Это порицание не спасло Мульгина. Под предлогом, что за ним следят, он вскоре исчез из района. За ним следили, но следили не те, о ком он говорил, и он это знал.

Настроение на заводах тревожило не на шутку. Присмирел и Величко, оставив свои жандармские выходки. В цехах, на лестницах, в курилках появились надписи: «Хлеба», «Продуктов». В январе 1917 г. цены сделали новый скачок, а невыход на работу от голода и истощения вместо полупроцента в 1915 г. достиг 10%.

Величко тщетно пытался тушить недовольство. О настроении рабочих полиция доносила:

«Если население не устраивает голодных бунтов, то это значит, что оно устроит их в самом ближайшем будущем. Озлобление растет и конца его роста не видать... А что подобного рода стихийное выступление голодных явится первым и последним этапом к началу бессмысленных и беспощадных эксцессов самой ужасной из всех, анархической революции, сомневаться не приходится».

Гвоздев понял урок, полученный на заводе. Накануне февральской сессии Думы он призывает от имени рабочей группы на демонстрацию.

Движение 14 февраля принято связывать с именем буржуазии. Однако в том состоянии, какое она переживала, вряд ли она могла быть зачинщиком широкой, хотя и мирной рабочей демонстрации. Вождь кадетов Милюков не мало переполошился, когда Мульгин выступил на «Лесснере» под кличкой «Милюков». В охранку, разумеется, полетело сногсшибательное сообщение. Сенсация была необычайная. Милюкова представить себе в роли агитатора на заводе никто серьезно не мог. Но таково было то беспокойное и трусливое время; вождь кадетов клятвенно отмежевывался в печати от преступной агитации злонамеренных лиц. 14 февраля он огласил вместе с Родзянко призыв против участия в демонстрации, чтобы не «омрачить» открытия Думы.

Буржуазия после пятого года больше не хотела экспериментов. Она уже не могла скрывать ни своего угнетенного состояния, ни безвыходности положения. Пресса писала о «глухом чувстве безнадежности», от которого «немеют голоса», «бледнеют страсти», «замирает воодушевление».

«Чувствовалось бессилие Думы, утомленность в бесполезной борьбе и какая-то обреченность на роль чуть ли не пассивного зрителя», признавался Родзянко.

И все же оракул буржуазии, Милюков, провозгласил:

— Дума будет действовать словом и только словом.

Выступление 14 февраля было затеей гвоздевцев. Чувствуя, что они тонут, захлебываясь в волнах нарастающего движения, гвоздевцы решили вынырнуть, призвав рабочий класс к действиям, открывая выход прорывающимся возмущениям. Не только буржуазия, но даже думская фракция меньшевиков была против выступления.

В своей неустойчивой политике группки менялись ролями. Недавно интернационалисты отмежевывались от оборонцев, теперь было впору признать расхождение. Между Гвоздевым и фракцией Чхеидзе на этой почве произошел разрыв. Оборонец Гвоздев оказался вдруг левее «циммервальдцев» из ОК. Фракция Чхеидзе до того вросла в политику буржуазного большинства Думы, что вместе с ним беспокоилась за судьбы готовящегося дворцового переворота, которому демонстрация могла помешать.

Полевение «рабочей группы» было не только запоздалым, но и далеко не достаточным. Рабочий класс с 1905 г. знал цену петициям. 9 января он еще мог идти к Зимнему, но в 1917 г. он уже не хотел идти к Таврическому.

ПК отмечал:

«На заводах прозвучал призыв поддержать и даже толкнуть Думу на решительный шаг предъявлением рабочих требований у дверей Таврического дворца. Призыв не только бесполезный, но и предательский: хождение народа к дворцам царей и правящих классов дорого стоит тем легкомысленным, которые надеялись что-либо получить от обитателей этих дворцов... Мы должны им заявить: все наши усилия против войны, затеянной вами, беспощадная борьба против вас».

ПК призвал к однодневной забастовке не 14 февраля, а 10-го. Десятое падало на воскресенье и было нерабочим днем. В Питере, несмотря на аресты и репрессии, находилось бюро Центрального комитета. Оно исправило невольную ошибку ПК и вместе с ним призвало бастовать 14-го, но демонстрировать не с петицией к Таврическому, а с антиправительственными и антивоенными лозунгами к Невскому.

На «Эриксоне» борьба завязалась с новой силой. Меньшевики знали, что не удастся повести всех рабочих к Таврическому. Выполняя инструкцию Гвоздева, они пытались хотя бы на собраниях выделить делегацию, которая заявила бы о поддержке «народных представителей» в их борьбе с правительством. Но опять ничего не вышло.

Вот что говорит об этом интернационалист Семенов:

— Меньшевики пошли на то, чтобы наладить все мирным путем. Нам дана была директива сходить к Родзянко и потребовать, чтобы они взяли в свои руки власть. На собрании «Эриксона» мы ни до чего не договорились. На других заводах наше предложение тоже провалили. Тогда по всему району была дана директива явочным порядком послать делегацию в Думу. Бакеев, я и еще человек тридцать с разных предприятий пошли к Родзянко.

Меньшевики явно сдавали позицию за позицией. Упорная партийная борьба вырастила настойчивых, крепких большевиков и воспитала рабочие массы. Теперь трудно было сбить дешевыми лозунгами.

Когда около десяти часов делегация в робах и сапогах бесцеремонно ввалилась в Думу, Родзянко немедленно доложили. Он распорядился проводить рабочих в свой кабинет и вскоре явился к ним.

— Зачем вы пришли?

Семенов долго и энергично выкладывал председателю Думы цель прихода и закончил:

— Мы так дальше жить не можем. Рабочий класс изголодался, измучился. Горе вам будет, если не вы возьмете власть, а мы...

Родзянко похлопал Семенова по плечу:

— Молодой человек, вы меня не запугаете. Мы все отдаем родине. Вы молоды, горячи.

«Не помню, было ли потом отчетное собрание, — признается Семенов, — мы смазали вопрос потому, что пришли ни с чем».

И 14-го эриксоновцы пошли к Невскому.

Попытка поддержать думскую фронду обошлась гвоздевцам очень дорого. Как только они отказались от роли буфера между рабочими и полицией, как только «рабочая группа» перестала сглаживать конфликты и предупреждать стачки, ее взяли на карандаш. Николаевское правительство могло терпеть ее, пока она была совершенно безвредна.

В ночь на 27 января в помещении «рабочей группы» произвели обыск. В ту же ночь среди гвоздевцев начались аресты. Самого Гвоздева, как говорили, в тюрьму посадить сразу не решились, преувеличивая его влияние и боясь волнений на заводах. Его лишили свободы, подвергнув домашнему аресту.

Буржуазия трогательно оплакивала своих друзей. На специальном заседании бюро Центрального военно-промышленного комитета Гучкову и Коновалову поручили хлопотать за них перед председателем совета министров и начальником Петроградского военного округа:

«Просить об изменении примененной к членам «рабочей группы» меры, как совершенно ими незаслуженной, так как «рабочая группа» в своей деятельности всегда была лояльной. Имеется целый ряд фактов, доказывающих, что благодаря воздействию «рабочей группы» на целый ряд заводов различных районов были предупреждены возникавшие острые конфликты».

Бебель любил говорить: «Если тебя хвалят враги, оглянись: ты совершил глупость».

Враги хвалили. В совете министров Гучков говорил:

— Группа оказывала комитету деятельное содействие по предупреждению стачечного движения в среде рабочих, работающих на оборону, и решительно высказывалась против всяких эксцессов, на которые подчас толкали рабочую массу некоторые элементы.

Но поздно было оглядываться гвоздевцам. Да и были ли для них гучковцы врагами?

Дальше похвал думцы не пошли. Соратники гвоздевцев по Военно-промышленному комитету решительно высказались против предложения вынести борьбу с правительством за пределы Государственной Думы, боясь превратить ее в общенародную.

Милюков на заседании 14 февраля приводил в пример Великобританию, где премьеры отчитываются перед рабочими, где большинство социалистических партий вводится в состав правительства, где умеют обезвреживать и успокаивать рабочее движение. Он негодовал против ареста в России «рабочей группы», которую он характеризовал «настолько умеренной», что перед арестом даже среди меньшевиков были настроения отозвать ее из Военно-промышленного комитета. Группа занималась устройством примирительных организаций, которые устраняли конфликты и забастовки.

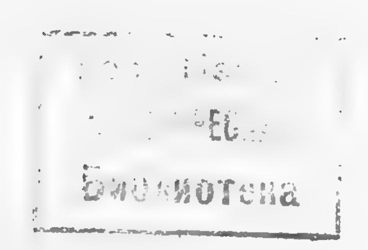
Гвоздева глубоко задело бы поведение кадетского вождя. Пролив слезу, Милюков поспешил высказаться за невмешательство Думы в это дело. Вот что пишет охранка:

«Популярный оратор и вождь общества, как бы устрашенный событиями и проявленной властью решительностью, явно стремится печальную историю с «рабочей группой» лишить всей важности ее политического значения. Речь Милюкова была настолько циничной, что она обескураживала даже его коллег по партии. Присутствующие, ожидавшие услышать от Милюкова резкую и горячую речь, были положительно подавлены подобным характером его заявления, так как всем стало ясно, что оратор как бы спешит уже теперь отмежеваться от того, что затея пропагандировавшихся рабочей группой выступлений в день 14 февраля фактически исходила из депутатских думских кругов».

Возможно, что тактике кадетов вполне соответствовало это выступление, хотя они, конечно, от него отмежевались. Они могли злорадно наблюдать беспокойство правительства, а в нужный момент вырвать у запуганных царедворцев уступки. Широкой публике Милюков говорил: «Смотрите, какие мы левые. Мы выступаем в защиту рабочих групп». Правительству же можно было сказать: «Видите, какие мы сговорчивые. Расправляйтесь с ними».

Но наиболее интересной на этой последней сессии Думы была речь Чхеидзе. Он, как говорится в донесении, «в своей речи главным образом нападал на Милюкова, который, давая совет остаться в стороне в деле рабочей группы, повидимому, сам не понимает, что говорит... При таком положении вещей Милюков в один прекрасный день рискует оказаться в хвосте событий, так как, если все будет продолжаться таким порядком, легко и неожиданно во главе политических выступлений и событий окажутся лишь одни рабочие».

Гвоздевщина выросла и окрепла на привилегированном «Эриксоне», где резкое различие между высококвалифицированными и подсобными рабочими создало значительный слой производственной верхушки, и выплеснулась на всероссийскую арену, объединив мелкобуржуазные элементы и рабочую аристократию в готовности впрячься в одну колесницу с буржуазией. Она наложила отпечаток на весь меньшевизм, потянув его в сторону врагов революции. Рабочий класс приготовил гвоздевщине могучий отпор, и она очутилась в хвосте событий, увлекая за собой свою партию.

Примечания

[1] Война была объявлена в разгар стачечной волны, перешедшей в знаменитые июльские баррикады на Выборгской стороне.

[2] **Маврин, И.** — рабочий-механик, большевик. Поступил на завод в 1913 г. До поступления работал на Васильевском Острове. Участвовал в стачке механиков 1913 г. на заводе «Эриксон». После Октябрьской революции занимал различные ответственные должности. Был председателем союза металлистов, директором краснознаменного завода имени Карла Маркса. В настоящее время директор завода им. Коваля.

[3] Данные по предприятиям фабричной инспекции.

[4] М. Павлович. «Итоги мировой войны».

[5] **Антюхин, И.** — рабочий-механик, большевик, член Выборгского райкома в 1916 г. В настоящее время директор Ленэнерго. Член Ленинградского горкома ВКП(б).

[6] На «Эриксоне» эсеры были немногочисленны. Своей организации не имели, а потому самостоятельной роли не играли. Наиболее правые (Семенов — лекальщик и др.) блокировались с меньшевиками. Эсер Смирнов находился под влиянием большевиков, за что и был прозван «странным эсером». Другие (Мильчик, И., Шашлов) в начале войны находились под влиянием гвоздевцев, но с 1916 г. начали от них отходить.

[7] **Таежный, В. П.** (псевдоним, фамилия Гайдуков) — рабочий-механик, большевик. В годы войны играл значительную роль в партийной жизни завода и всей Выборгской стороны. Работал на «Эриксоне» с 1914 г. по сентябрь 1915 г.

[8] **Яцыневич, А. О.** — меньшевик. В 1913 г. участвовал в стачке механиков на «Эриксоне». Играя в ней незначительную роль, был заподозрен в ее организации, за что был выселен из Петербурга.

[9] **Перепелкин, Я. Н.** — полковник, начальник военно-морского отдела. В прошлом создатель оптического отдела на Обуховском заводе. Из-за ссоры с начальником завода Меллером был

уволен в отставку без пенсии. Шпергазе находился с Перепелкиным в родственных отношениях и привлек его на «Эриксон». Пользуясь связями Перепелкина в морском министерстве, Шпергазе добился получения заказов для военно-морского отдела.

[10] Петербургский завод, неимея чертежей и проектов, исполнял телефонные детали по шведскому образцу.

[11] В 1910 г. на телефонном заводе организовали военно-морской отдел, выпускавший точные военные приборы.

[12] Жуков, И. П. — столяр, большевик. С первых же дней поступления на завод играл активную роль в жизни большевистской ячейки. В настоящее время зам. наркомсвязи СССР, член ЦК ВКП(б).

[13] На «Эриксон» нельзя было попасть без рекомендации и личных связей. Кроме того, высокая квалификация ведущих профессий, необходимая для обработки точных телефонных деталей, на «Эриксоне» оплачивалась выше, чем на других заводах.

[14] Зуммер — деталь телефонного аппарата.

[15] Ильин, Н. И. — рабочий-механик, большевик. На «Эриксоне» с 1914 г. Член Всероссийского страхового совета. В годы империалистической войны руководитель эриксоновской партийной организации. После Октябрьской революции на ответственной работе. С 1925 г. нарком РКИ РСФСР, с 1934 г. — уполномоченный Комиссии советского контроля по Ленинградской области. На XVII съезде ВКП(б) выбран в КСК.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ленин, В. И. Сочинения, тт. XVIII и XIX, изд. III.
Покровский, М. Н. «Империалистическая война», сб. ст. 1915—1927 гг.
Бадаев, А. Е. Большевики в Государственной Думе. 1930 г.
«Очерки по истории Октябрьской революции», т. I, под ред. Покровского. 1927 г.
Очерки истории пролетариата СССР, под ред. Покровского, изд. 1931 г.
История РКП(б) в документах, изд. 1926 г.
Российская коммунистическая партия большевиков в резолюциях ее съездов и конференций, изд. 1922 г.
Флеер, П. ПК в годы империалистической войны.
Граве, В. Из истории классовой борьбы в России (Годы империалистической войны), изд. 1926 г.
«Социал-демократ» — 1914, 1915, 1916 гг.
Гаврилов, И. — Очерки по истории Выборгской парторганизации. 1933 г.
Пятницкий, О. Записки большевика.
Цветков-Просвещенский, А. К. — Между двумя революциями, изд. 1933 г.
Переписка Николая и Александры Романовых, 1916—1917 гг., изд. Центрархива, 1926 г.
Падение царского режима, тт. V—VII.
Стенограммы заседаний IV Госуд. Думы.
Вопросы страхования, журнал 1914, 1915, 1916 гг.
Ерманский, А. Марксисты на распутьи.
Пуанкаре, Р. Происхождение мировой войны, 1924 г.
Пурталес. Между миром и войной. Воспоминания бывш. германского посла в России. 1923 г.
Палеолог, Морис. Царская Россия во время мировой войны. 1923 г.
Мильчик, И. И. За Николаевским шлагбаумом.

Кармашев. Очерк истории петроградского телефонно-телеграфного завода им. тов. Кулакова. 1923 г.
Очерк истории завода. «Эриксон». Рукопись (автор неизвестен).

АРХИВНЫЕ ДЕЛА

Архив революции и внешней политики

Ведомости о происшествиях по Санкт-Петербургу
(Деп-т полиции, 4 делопр., дело № 61, ч. 10, т. 3).
Рабочее движение по г. С.-Петербургу.
(там же, дело № 61, ч. 2, т. 4).
Ведомости о происшествиях по Петрограду
(там же, 1915 г., дело № 61, ч. 10, т. 4, л. 173).
Доклад охранного отделения от 19/XII 1915 г.
(там же, 1915 г., дело № 61, ч. 2 т. 1).
4-е, 5-е и 6-е делопроизводство
(там же, 1914 и 1915 гг., дела № 3, 19, 108 и 443).
О высылке разных лиц
(там же, 1915 г., дело № 90, т. 17, ч. 32).
Бумаги, не составляющие особых дел, — 4, 6 и 9 делопроизв.
(там же, 1914 г., дела № 2, 13, 578).

Архив Октябрьской революции

Бюллетени о забастовках
(фонд 1667, 1913—1917 гг., дело 378).
Забастовки, рабочий вопрос, военная приплата
(там же 1913—1917 гг., дело № 395).
Текущие сведения о ходе забастовок на предприятиях, состоящих членами общества заводчиков и фабрикантов
(там же 1913—1917 гг., дело № 32 а/378, ч. 1).

Ленинградский областной архив

Фонд общества заводчиков и фабрикантов
(1914 г., дело № 807).
Фонд завода «Эриксон»
(1915, 1916, 1917 гг., дела № 211, 714, 743, 751, 762).
Фонд бумагопрядильной фабрики бр. Смоль
(1907—1916 гг., дело № 18).

Архив завода «Красная заря»

Особое дело	дело	№ 19
Революционное движение	»	№ 20
» »	»	№ 21
Выписки из центральных архивов	»	№ 30
Отчеты акционерного о-ва «Эриксон» 1914—1916 гг.	»	№ 14
Договора на изобретения	»	№ 44

ВОСПОМИНАНИЯ

Стенограммы вечеров воспоминаний №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 12, 13, 16, 17, 18, ,19, 20, 21, 24, 25, 28, 33, 36, 38, 49, 50, без номера от 15/XII 1932 г.

Личные воспоминания: И. Антюхина, Антюхиной, А. Бакеева, Билькина, Васильева-Путиловского, И. П. Жукова, Н. И. Ильина, Ильичева, Лаппо, Лупука, Мансырева, Невгипа, Нечаева, Панцырного, Пастуховой, А. Семенова, Сутягина, Стопп, В. П. Таежного, Ходоковой, А. О. Яцыневича и др.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга отпечатана во 2-й типографии «Печатный Двор» треста «Полиграфкнига», в Ленинграде на правах рукописи в количестве 1000 экземпляров. Сдано в набор 17 октября 1934 г. Подписана к печати 23 мая 1935 г. Формат бумаги 82 × 110 см. Печатных листов — 7. Бум. ли тов — 1 3/4. Авт. листов — 5,8. Ленгорлит № 14885.

Все листы

28 / XII 40 г. [illegible]

Дефектов нет 27/XII 48 г. [illegible]

